

ЗАБВЕНИЕ

18+

Дэвид Фостер Уоллес

Забвение

Серия «Великие романы»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66025441

Забвение: Издательство АСТ; М.; 2021

ISBN 978-5-17-113313-9

Аннотация

Выдающийся мастер формы, Дэвид Фостер Уоллес еще при жизни был признан самым значимым писателем своего поколения, и каждая новая книга только подтверждала этот статус.

«Забвение» – последний сборник рассказов Уоллеса, самый сложный, самый провокационный и необычный. Здесь замечтавшийся ученик не замечает, как учитель у доски начинает сходить с ума, работники престижного журнала пытаются написать приличную статью о модном художнике, который создает скульптуры анатомически немислимым способом, а муж пытается крайне вежливо объяснить жене, что, возможно, она страдает от галлюцинаций. На фоне всех этих странных и зачастую неловких ситуаций Дэвид Фостер Уоллес создает целые миры, достойные многостраничных романов, одновременно сюрреалистические и болезненно настоящие.

Содержание

Мистер Пышка	6
Душа – не кузница[15]	113
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Дэвид Фостер Уоллес

Забвение

Посвящается Карен Карлсон и Карен Грин

David Foster Wallace
OBLIVION stories

Варианты некоторых из этих рассказов впервые появились в следующих изданиях, редакторам которых выносятся наша благодарность и признательность: AGNI, Black Clock, Colorado Review, Conjunctions, Esquire, McSweeney's, а также «Рассказы премии О. Генри 2002».

В одном или двух небольших отрывках из рассказа «Философия и зеркало природы» используется без указания прямой цитаты книга Гордона Грайса «Красные песочные часы: Жизнь хищников» (Delacorte Press, 1988). Цитата из «Уборной леди» Джонатана Свифта, приведенная в «Канале страданий», взята из книги Джонатана Свифта «Стихотворения».

Copyright © 2004 by David Foster Wallace
© Сергей Карпов, перевод, 2021
© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2021
© ООО «Издательство АСТ», 2021

Все рассказы в этой книге – вымысел. Все имена, люди, места и события полностью выдуманы. Там, где используются имена реально существующих знаменитостей и юридических лиц, это сделано исключительно с литературными целями и не является утверждением факта. Сходство с кем-то или чем-то реальным не подразумевается и абсолютно случайно.

Мистер Пышка

Затем Фокус-группа опять собралась в очередном конференц-зале на девятнадцатом этаже «Ризмайер Шеннон Белт Эдвертайзинг». Каждый участник вернул пакет с Индивидуальным профилем реакции модератору, который благодарил всех по очереди. Вдоль длинного конференц-стола стояли кожаные крутящиеся кресла; схемы рассадки не было. Для всех желающих выставили бутилированную родниковую воду и напитки с кофеином. Из окна с толстым тонированным стеклом, занимавшим всю наружную стену, с высоты открывался панорамный вид на северо-восток, отчего конференц-зал казался просторным и привлекательным, с более-менее природным освещением, что только радовало после тесных тест-кабинок с безликими флуоресцентными лампами. Пара участников Целевой Фокус-группы, рассаживаясь по удобным креслам, машинально ослабили галстуки.

На подносе в центре конференц-стола находились новые образцы продукта.

Модератор – как и тот, что этим утром вел большое собрание по Тестированию продукта и Начальной реакции перед тем, как всех членов разных Фокус-групп распределили по индивидуальным звуконепроницаемым кабинкам для заполнения Индивидуальных профилей реакции, – имел степени как по описательной статистике, так и по поведенческой пси-

хологии и работал в «Команде Ду» – передовой компании, занимавшейся исследованиями рынка, ее услугами «Ризмай-ер Шеннон Белт Эдв.» в последние годы пользовалась почти эксклюзивно. Этот модератор Фокус-группы был человеком плотного телосложения, с бледными веснушками, старомодной прической и дружелюбным, пусть и немного нервным, продуманно фамильярным поведением. У него за спиной, на стене рядом с дверью, висела белая доска для презентаций с легко стираемыми маркерами на алюминиевой полочке.

Пока все не расселись поудобнее, модератор рассеянно тербил краешки бланков ИПР в папке. Затем сказал: «Итак, еще раз спасибо за ваше участие, которое – как, уверен, мистер Маунс уже говорил вам этим утром, – является важным этапом в решении, какие новые продукты станут доступны для потребителей, а какие не станут». Он изящно, умело обводил взглядом весь стол так, что словно смотрел на каждого человека, – этот навык слегка противоречил застенчивому и в чем-то нервному языку его тела во время речи перед собравшимися. Четырнадцать членов Фокус-группы – из них все были мужчинами и многие выбрали себе напитки – ответили слабыми жестами: судя по выражению их лиц, участники далеко не на 100 % были уверены, что от них потребуется. По виду и ощущениям конференц-зал очень отличался от стерильной, почти лабораторной аудитории, где два часа назад проводились ТП/НР. Модератор – с традиционным карманным протектором, откуда торчали ручки трех разных

цветов, – был в свежей рубашке в полоску, шерстяном галстуке и брюках оттенка какао, но без пиджака и без блейзера. Рукава он не закатывал. Его улыбка, как заметили несколько участников, казалась слегка болезненной, словно он перед кем-то извинялся. На той же стороне его рубашки, где висел бейджик с именем, к нагрудному карману был прикреплен большой значок или жетон со знакомой бренд-иконой «Мистера Пышки» – по-детски пухлым мультяшным лицом неопределенной расовой принадлежности с полузакрытыми глазами и выражением, которое каким-то образом передавало одновременно удовольствие, сытость и хищное желание. Весь его вид казался таким безобидным, что почти невозможно было не улыбнуться ему в ответ или не почувствовать воодушевление, – бренд-икону заказал и утвердил один из старших криэйторов «Ризмайер Шеннон Белт» больше десяти лет назад, когда региональная компания «Мистер Пышка» влилась в национальную корпорацию, быстро расширилась и диверсифицировалась от экстрамягкого хлеба и булочек для сэндвичей к круассанам, пончикам с начинками, пирожным и мягким кондитерским изделиям почти всех вообразимых видов; и без всяких заложенных посылов или ассоциаций, какие мог бы измерить по собранным данным или точно определить отдел демографии, грубоватое контурное личико стало одной из самых популярных, узнаваемых и наглядно успешных бренд-икон в американской рекламе.

Трафик на улице внизу был оживленным, как и торговля.

Однако этим светлым холодным ноябрьским днем 1995 года аккуратно отобранные и одобренные Фокус-группы собрались не по поводу бренд-икона «Мистер Пышка». Сейчас третью фазу Фокус-тестирования проходил новый хай-концепт – пирожное с акцентом на шоколаде, выходящее под брендом «Мистер Пышка», изначально задуманное для розничной продажи в супермаркетах: в упаковках по двенадцать штук для продуктовых аутлетов верхнего сегмента, сперва на Среднем Западе и Северо-Восточном побережье, а затем, если данные по пробному рынку оправдают надежды родительской компании «Мистер Пышка», и по всей стране.

В центре конференц-стола на большом крутящемся серебряном подносе были сложены пирамидальной горкой 27 пирожных. Каждое было упаковано в герметичный трансполимерный материал, напоминавший бумагу, но рвавшийся как тонкий пластик, – такую же розничную упаковку применяли почти все американские изготовители кондитерских изделий с тех пор, как композит впервые ввел на рынок M&M Mars для запуска инновационной линейки «Милки Вей Дарк» в конце 1980-х годов. На упаковке нового продукта напечатан знакомый характерный бело-голубой узор «Мистера Пышки», но здесь Мистер Пышка округлил глаза и рот в карикатурной тревоге за последовательностью микротекстурированных черных полосок, напоминавших прутья тюремной решетки, вокруг двух из таких полосок или прутьев пухлые пальцы цвета теста сложились в универсальной пози-

ции заключенных всего мира. Темные, исключительно плотные и влажные на вид пирожные в обертке были «Преступлениями!»® – их рискованное и многозначительное торговое название по замыслу одновременно и транслировало, и пародировало чувство греха/невзыскательности/преступления/порока, которое охватывало современного потребителя, ведущего здоровый образ жизни, из-за поглощения высококалорийного корпоративного снека. Также матрица ассоциаций в названии включала намеки на взрослый возраст и взрослую независимость: было решено отказаться от сверхмилых, мультяшных названий с акцентом на буквах «м» и «у» множества других популярных пирожных ради реалистичности, так как наименование «Преступление!» изначально задумывалось и тестировалось для обращения к мужской ЦА в возрасте от 18 до 39 лет – самой вожделенной и пластичной демографической таргет-группе элитного маркетинга. Только двое из присутствующих участников Фокус-группы были старше 40: во время интенсивного демографического/поведенческого отсева, благодаря которому данные от Фокус-групп «Команды Ду» ценили столь высоко, команда технической обработки Скотта Р. Лейлмана проверила их профили не один, а целых два раза.

Вдохновленные, если верить слухам в агентстве, встречей-откровением креативного директора РШБ с так называемой «Шоколадной смертью» в кафе Ближнего Нортсайда, «Преступления!» тоже были шоколадными во всем – в

начинке, глазури и тесте, – причем делали их из настоящего или десертного шоколада, а не обычного гидрогенизированного кокоса и кукурузного сиропа с витамином F, так что «Преступления!» считались не столько вариацией «Зингеров», «Динг-донгов», «Хо-хо» и «Шокодилов» от конкурентов, сколько их радикальным переосмыслением на престижном уровне. Увенчанный куполом цилиндр из бисквитного теста без добавления муки и со вкусом мальтита целиком покрывался слоем в 2,4 мм шоколадной глазури с высоким содержанием лецитина, произведенной с микропримесями сливочного масла, кокосового масла, горького шоколада, шоколадного ликера, ванильного экстракта, декстрозы и сорбитола (сравнительно дорогостоящей глазури, причем из-за одного только избытка масла в ней потребовались героические инновации в системах производства и проектировании – пришлось переоборудовать целую технологическую линию, переучить работников конвейера и пересчитать квоты производства и контроля качества более-менее с нуля), а также затем эта высококачественная глазурь вводилась под высоким давлением кулинарным шприцем в полый овал в центре каждого «Преступления!» размером 26 на 13 мм (центр, который, например, в продуктах «Хостесс инк.» был наполнен, по сути, сахарным взбитым лярдом), в результате чего на выходе получалась двойная доза ультранасыщенной глазури почти ресторанного качества, чей центральный кармашек – учитывая, что взаимодействие тонкого слоя внеш-

него покрытия с воздухом придавало слою твердый, но растворяющийся марципановый характер традиционной глазури, – казался еще насыщеннее, плотнее, слаще и преступнее, чем внешняя глазурь – которая, согласно большинству ИПР и РРГ на полевых тестах конкурентов, считалась самой любимой частью у потребителей. (На кассетах о поведенческой серии испытаний по двойному слепому методу 1991/92 гг. от «Чиэт/Дэй IB», ведущего агентства компании «Хостесс», показано, что больше 45 % молодых потребителей большими сухими неровными хлопьями снимают матовую глазурь с «Хо-хо» и едят только ее, пока само пирожное бюджетного сегмента остается дальше каменеть на крутящихся подносах, – якобы клипы из этой серии вошли в изначальный питч РШБ для ребят из отдела развития дочерних продуктов в родительской компании «Мистера Пышки»).

Согласно нестандартному решению, кое-что из этого, в кавычках бэкграунда привилегированного доступа, то есть информацию об ингредиентах, производственных инновациях и даже демографическом таргетировании передал Фокус-группе модератор, набросавший легко стираемым маркером схему производственных этапов пирожного «Мистера Пышки» и сложных изменений, которые было необходимо внести в автоматическую линию для создания «Преступления!». Вся релевантная информация доносилась во время мастерски срежиссированного периода вопросов-ответов, где многие заблаговременно оговоренные вопросы озву-

чили два мнимых участника Целевой Фокус-группы, которые на самом деле были вовсе не обычными потребителями, а работниками «Команды Ду»: их назначили, чтобы они помогли срежиссировать нестандартно информативные вопросы-ответы и наблюдали за размышлениями остальных двенадцати человек после того, как модератор покинет помещение, при этом работники старались не влиять на аргументы или вердикты Фокус-группы, но впоследствии добавляли личные наблюдения и впечатления, уточняющие и конкретизирующие данные из Резюме реакции группы и цифровых видео; последние записывали с помощью камеры, внешне похожей на большой детектор дыма в северо-западном углу конференц-зала, чьи объектив и параболический микрофон, несмотря на всю свою мобильность и передовые технологии, не могли зафиксировать некоторые тонкие нюансы в индивидуальном поведении, а также тихие обмены репликами между сидящими смежно участниками. Одному НАМу¹ – худому молодому человеку с восковыми светлыми волосами и красной кожей, больше казавшейся раздраженной, чем румяной или пышущей здоровьем, – координатор НАМов «Команды Ду» разрешил выработать эксцентричные и раздражающие (для большинства участников Фокус-группы) личные привычки, уже одна очевидность которых слу-

¹ Термин «Команды Ду» для кротов в Фокус-группах – Непредставленный ассистент модератора, чья личность теоретически неизвестна модераторам в тестах по двойному слепому методу, но на практике раскрыть их было как нечего делать.

жила для маскировки его профессиональной принадлежности: перед ним стояли мягкие пластмассовые флакончики со смазкой для контактных линз и внутриносовым раствором, и он не просто конспектировал презентацию модератора, но конспектировал громко скрипящим фломастером с пахучими чернилами, а когда задавал один из предписанных вопросов, то не поднимал робко руку и не прочищал горло, как было в порядке вещей для других НАМов, а просто резко бросал: «Вопрос», – как то: «Вопрос: можно уточнить, что значит «естественный» и «искусственный» вкус и есть ли существенное различие между тем, что это значит на самом деле, и тем, как это должен понимать среднестатистический потребитель», – без всякой вопросительной интонации или выражения, наморщив лоб, с перекошенными очками без оправы.

Как предсказало бы любое нормальное однофакторное гауссово распределение, не все участники Целевой Фокус-группы внимательно слушали объяснения модератора о том, чего надеются достичь «Мистер Пышка» и «Команда Ду», когда ненадолго оставят Фокус-группу, чтобы участники сравнили результаты своих Индивидуальных профилей реакций без посторонних, открыто и без вмешательства пообщались между собой и попытались прийти к единодушному и однозначному Резюме реакции группы на продукт по шестнадцати разным радиальным осям Предпочтения и Удовлетворения. В некоторых объемах это невнимание учи-

тивалось в матрицах проведения того, что, как сообщили модератору ЦФГ, на самом деле тестировалось сегодня на девятнадцатом этаже. Этот вторичный (или «вложенный») тест собирал квантифицируемые данные о том, кавычки открываются, какой эффект окажет на Целевую Фокус-группу полный доступ к информации о производстве и маркетинге продукта, и как он повлияет на ее восприятие как самого продукта так и его корпоративного производителя, кавычки закрываются; это была серия тестов по методу двойного слепого метода, задуманная для повторения по трем разным схемам со случайными ЦФГ в течение двух следующих фискальных кварталов при финансовой поддержке сторон, личности которых утаили от модераторов по (якобы) условиям вложенного тестирования.

Трое из участников Целевой Фокус-группы с отсутствующим взглядом таращились в большое тонированное окно, откуда открывался вид изысканно-приглушенного цвета сепии на небоскребы с северной стороны улицы и – за ними и между ними – на разные части северо-восточного Лупа, порта и несколько футов озера в резком перспективном сокращении. Двое из этих участников были очень молоды – далеко слева по оси X от ЦА – и развалились на наклонившихся крутящихся креслах с выражением либо задумчивости, либо нарочитого безразличия; третий рассеянно ощупывал ямочку на верхней губе.

Согласно требованиям того, что неожиданно оказалось

его нынешней профессией, модератор Фокус-группы прошел специальную подготовку, а потому при взаимодействии с людьми вел себя оживленно и спонтанно, но при этом на самом деле внутренне оставался бесстрастным, сохранял почти клиническую внимательность, а также обладал наметанным глазом на поведенческие детали, благодаря которым часто можно найти настоящие самородки статистической релевантности в пустой породе случайного факта. Иногда свой вклад вносят даже мелочи. Модератора звали Терри Шмидт, возраст – 34 года, Дева. Одиннадцать из четырнадцати мужчин Фокус-группы носили часы, из часов примерно треть были дорогими и/или импортными. У двенадцатого – он был заметно старше всех остальных участников ЦФГ – на жилете по диагонали, слева направо, лежала платиновая цепочка высококачественных карманных часов, у этого человека было широкое розовое лицо и постоянное добродушное выражение в глазах, как у главы семейства с множеством внуков, который так часто с теплом глядел на них, что подобное выражение стало для него привычным. Дедушка Шмидта жил в поселке для престарелых на севере Флориды, где сидел с пледом на коленях и, когда Шмидт приезжал к нему два раза, постоянно кашлял и звал Терри исключительно «пареньком». Ровно 50 % мужчин в зале сидели в пиджаках и галстуках либо пиджаки или блейзеры висели на спинках их кресел, причем три пиджака были частью настоящего делового костюма-тройки; еще трое участников носили комбинации

из трикотажных рубашек, брюк и разнообразных свитеров с вырезом или высоким воротником, которые можно было отнести к категории «бизнес-кэжуал». Шмидт жил один в кондоминиуме, который недавно рефинансировал. Оставшиеся четверо сидели в синих джинсах и толстовках с логотипом либо университета, либо производителя одежды; у одного виднелся символ «Найк Свуш», всегда казавшийся Шмидту каким-то арабским. Трое из четырех мужчин в откровенно небрежной/неофициальной одежде были и самыми молодыми участниками Фокус-группы, причем двое из них оказались в числе тех троих, кто слушал подчеркнуто невнимательно. «Команда Ду» отдавала предпочтение широкой демографической выборке. Из этой молодой подгруппы двое были младше 21. Все трое откинулись на копчики, не скрещивая ноги, положили руки на бедра, на их лицах появилось мрачное и чуть брюзгливое выражение потребителя, который никогда не сомневается в своем праве на удовлетворение или значимость. В университете Шмидт изначально занимался статистической химией; ему до сих пор нравилась клиническая точность лабораторий. Меньше чем у 50 % обуви в зале были шнурки. У одного мужчины в трикотажной рубашке по бокам низких ботинок шли маленькие латунные молнии, а сами ботинки были отполированы до отвлекающего блеска – еще одна деталь, вызывающая у Шмидта мнемонические ассоциации. В отличие от Терри Шмидта и Рона Маунса, Дарлин Лилли пришла в маркетинг из компьютер-

ного дизайна; по ее словам, в отдел исследований она попала, потому что в глубине души на самом деле больше любила работать с людьми. Всего в зале насчитывалось четыре пары очков, хотя одни были солнечными и вряд ли необходимыми по здоровью; еще одни отличались тяжелой черной оправой, придававшей искреннее выражение лицу их владельца в темном свитере с высоким воротником. Еще были двое усов и одно подобие эспаньолки. У коренастого мужчины тридцати лет росла жидкая, мшистая борода: невозможно было определить, то ли он только начал ее отращивать, то ли она так всегда выглядела. Если говорить о самых молодых, то здесь было очевидно, кому действительно нужно побриться, а кто ходил небритым специально. В жестком воздухе конференц-зала двое из участников Фокус-группы часто моргали, что характерно для людей с контактными линзами. Вес пяти мужчин, не считая самого Терри Шмидта, был выше нормы более чем на 10 %. Учитель физкультуры однажды прямо перед сверстниками назвал Терри Шмидта Криско Кидом – что, как он объяснил со смехом, означает жир в консервах. Отец Шмидта, отмеченный наградами ветеран войны, недавно ушел на пенсию из компании на юге Гейлсбурга, занимавшейся продажей семян, азотных удобрений и гербицидов широкого спектра. Делано эксцентричный НАМ спрашивал мужчин по бокам – один из которых был латиноамериканцем, – не хотят ли они, случаем, жевательную таблетку с витамином С. Символ «Мистера Пышки» также встречал-

ся в конференц-зале в виде стилизованных флеронов на двух бежевых или светло-коричневых керамических лампах, стоящих на столиках, которые разместили по углам у внутренней стены без окон. В Целевую Фокус-группу входили два афроамериканца – один старше 30, второй младше 30 и с бритой головой. У троих участников волосы можно было отнести к категории русых, у двоих – седых или с проседью, еще у троих – черных (не считая афроамериканцев и единственного азиата, бейджик и ошеломительные скулы которого предполагали либо Лаос, либо Социалистическую Республику Вьетнам – по сложным, но обоснованным статистическим причинам выборка профилей в команде Скотта Лейлмана учитывала процент этнических групп, но не стран происхождения); троих можно было назвать блондинами или светловолосыми. В их число входил и НАМ, а Шмидту казалось, он уже догадался, кто второй НАМ в конференц-зале. Фокус-группы РШБ редко включали представителей очень бледного или рыжего и веснушчатого типа, хотя «Фут, Кон и Белдинг» и «ДДБ Нидэм» регулярно опрашивают такие типы людей из-за определенных данных, предполагающих значимую связь между содержанием меланина в организме и неразрывным распределением вероятностей дохода и привилегий на Восточном побережье США, где тестируется больше 70 % продуктов высшего сегмента рынка. Однако более традиционная демографическая статистика ставила под сомнение многие новомодные гипергеометрические техники,

с помощью которых получены эти данные.

По обычаю всей индустрии, участники Фокус-группы получают поденную оплату в размере 300 % от того, что бы они получили за заседание в жюри присяжных штата своего проживания. Обоснования этого уравниения укоренялись в традициях и были такими древними, что никто в поколении Терри Шмидта уже не знал его происхождения. Для старших исследователей рынка оно стало внутренней шуткой и возможным следствием из существующего в обществе отношения к гражданскому долгу и избирательному потреблению соответственно. У латиноамериканца без наручных часов, сидящего слева от белобрысого НАМ, сквозь ткань рубашки, ставшей частично прозрачной из-за тонированного оттенка природного освещения, на предплечьях просвечивали призраки больших татуировок. Он же был одним из усарых участников, судя по бейджику, его звали НОРБЕРТО – а значит, это был первый Норберто за более чем 845 Фокус-групп, которые за свою карьеру провел Шмидт в должности статистического полевого исследователя «Команды Ду». Шмидт записывал для личного пользования наблюдения о корреляциях между продуктом, философией Клиента и определенными переменными в компонентах и процедурах проведения Фокус-групп. Их он загружал в различные программы дискриминантного анализа на домашнем компьютере «Эппл», а результаты заносил в блокноты на трех кольцах, которые помечал и хранил на серых стальных стеллажах до-

машиней сборки в кладовой кондоминиума. Главная проблема и суть описательной статистики – отличать, что может внести вклад в результаты, а что нет. Тот факт, что Скотт Р. Лейлман теперь и одобрял Фокус-группы, и помогал их подбирать, служил очередным признаком, что его звезда в «Команде Ду» поднимается все выше. Другим по-настоящему успешным сотрудником был А. Рональд Маунс, тоже пришедший из отдела технической обработки. «Вопрос», «Вопрос», «Комментарий». Один мужчина с каким-то длинным лицом без подбородка хотел узнать розничную цену «Преступлений» и либо не понял, либо обиделся на объяснение Терри Шмидта, что розничная цена лежит вне фокуса сегодняшней Группы и вообще находится в пределах полномочий совершенно другой исследовательской организации РШБ. Обоснование изъятия цены из опросов по потребительскому удовлетворению было техническим и параметрическим и не включалось в мнимую информацию полного доступа, которую Шмидту разрешили раскрыть Фокус-группе по условиям исследования. В помещении наблюдалась как минимум одна очевидная завивка волос, а также две жертвы запущенного облысения по мужскому типу, причем обе – любопытный факт, либо всего лишь случайное совпадение – находились среди четырех голубоглазых участников Группы.

Когда Шмидт думал о Скотте Лейлмане, его всесезонном загаре и солнечных очках, нерастрепанно задвинутых на ма-

кушку, покрытую бледными волосами, то вспоминал бессмысленную злобу плотоядного угря или ската – чего-то, что охотится на автопилоте на большой глубине. Афроамериканец с небритой головой сидел с прямой осанкой человека, страдающего от проблем со спиной, но считающего достоинство, с которым он их терпит, основополагающей частью своего характера. Второй носил в помещении солнечные очки так, словно делал какое-то непонятное заявление: нельзя было определить, какого оно типа, общего или специфического для данного контекста. Скотту Лейлману было всего 27, и он пришел в «Команду Ду» через три года после Дарлин Лилли и через два с половиной – после Шмидта, который помогал Дарлин учить Лейлмана обрабатывать свежие статистические данные от телефонных опросов с помощью хиквadrата и t-распределения; с удивительным для себя удовлетворением он наблюдал, как у парня стекленеют глаза и бледнеет загар под флуоресцентным светом информационного центра Ду, но однажды Шмидту понадобилось лично переговорить с Аланом Бриттоном, он постучал в кабинет, вошел, а там в кресле сидел Лейлман, они с Бриттоном курили очень большие сигары и смеялись.

Фигура, которая незадолго до 11:00 начала подъем по постепенно расширяющемуся северному фасаду здания, была в облегающих ветрозащитных лайкровых легинсах, гортексовой толстовке с плотным капюшоном на синтетической подкладке – надетым и завязанным – и в ботинках альпи-

нистского или скалолазного вида за тем исключением, что вместо кошек или шипов на плюсне каждой подошвы находились присоски. На обеих ладонях и внутренних сторонах запястий было по присоске размером с вантус, того же пронзительно-оранжевого цвета, что и куртки охотников и каски дорожных строителей. Цветовая схема лайкровых штанов следующая: одна штанина – голубая, вторая – белая; толстовка и капюшон – синие с белым кантом. Скалолазные ботинки – выразительно-черные. Фигура проворно и с множеством влажных хлопков от присасывания ползла по витрине «Гэпа», большого розничного ретейлера одежды. Затем подтянулась на узкий карниз у основания окна второго этажа, взобралась на ноги, хоть это далось ей непросто, прилепила присоски и принялась карабкаться по массивной витрине на втором этаже «Гэпа», в ней промотовары, как внизу, не выставлялись. Фигура позиционировала себя гибкой и профессиональной. Нельзя было не сказать, что из-за манеры подъема она казалась ближе к рептилиям, чем к млекопитающим. На тротуаре внизу стала собираться небольшая толпа прохожих, когда скалолаз уже преодолевал окна фирмы управленческого консультирования на пятом этаже. Ветер на уровне земной поверхности колебался от легкого до умеренного.

В конференц-зале из-за тонированного северного окна северо-восточное небо, лишь наполовину застланное облаками, казалось болезненным, а пена на бурунах далекого озера под ветром – темной; в окне мрачнели и бока других высоких

зданий, находившихся частично в тени друг друга. У целых семи мужчин из Фокус-группы на рубашках, волосках усов, во внутренних уголках губ или впадине между ногтем и кожей вокруг ногтя на доминирующей руке виднелись остатки «Преступлений!». Двое мужчин сидели без носков; туфли у них были из кожи и без шнурков; только у одного – с кисточками. Джинсовые клеши одного из самых молодых участников были такого гигантского размера, что статус его носков оставался неизвестным, хотя участник сидел, расставив ноги и подогнув колени. Один из мужчин постарше носил черные носки из шелка или вискозы с крошечными драже темного, насыщенно-красного цвета. У другого мужчины постарше губы напоминали тонкую злую щелочку, у другого лицо казалось слишком обмякшим и морщинистым для его демографического слота. Как часто бывает, лица молодых людей казались какими-то еще не полностью или по-человечески сформированными, производили чисто обобщенное впечатление продуктов, только что сошедших с конвейера. Иногда Терри Шмидт рисовал очертания своего лица в жанре карикатуры, пока говорил по телефону или ждал результат работы программного обеспечения. У одного из мужчин в группе голова была в форме груши, у другого – в форме ромба или воздушного змея; у второго по старшинству потребителя в помещении были подстриженные седые волосы и нависающая верхняя губа, придающая его внешности обезьяний аспект. Их демопрофили и начальный балл по «Систату» на-

ходились в саквояже Шмидта на ковре рядом с доской; еще у него была наплечная сумка, которую он держал в рабочей кабинке. Я был одним из людей в зале – единственным с часами, кто ни разу на них не взглянул. То, что принимали за мои очки, очками не являлось. Я был полностью укомплектован. Маленький экран в самом низу правой линзы показывал и дневное время, и время миссии. Короткую легенду для кокуса РРГ я выучил назубок, но на ламинированной карточке в рукаве свитера на маленьких защелках держалась запасная копия – защелки открывались, если вдавить одну из кнопок на часах, которые на самом деле были вовсе не часами. Также имелся рвотный протез. Пирожные, из которых я уже заметно для всех съел три, оказались сладкими до ломоты в зубах.

Сам Терри Шмидт страдал гипогликемией, мог есть только сладости с фруктозой, аспартамом или очень небольшим содержанием $C_6H_8(OH)_6$, иногда он ловил себя на мысли, что смотрит на продукт с выражением беспризорника у витрины магазина игрушек.

Дальше по коридору, за комнатой отдыха отдела НПИР², в другом конференц-зале РШБ, где окно тоже выходило на северо-восток, Дарлин Лилли подводила двенадцать потребителей и двух НАМов к РРГ-фазе Фокус-Реакции без какой-либо организованной сессии вопросов-ответов или эрзац-бэкграунда с полным доступом. Ни Шмидту, ни Дарлин

² = Наблюдение и планирование исследований рынка.

Лилли не сообщили, какая из сегодняшних ЦФГ представляла контрольную группу вложенного теста, хотя это было довольно очевидно. Если какое-то время поработать на верхних этажах, то начинаешь замечать легкую качку, с которой структура здания принимала ветер с озера. «Вопрос: что такое полисорбат-80?» Шмидт обоснованно полагал, что никто из Фокус-группы качку не чувствовал. Та была не слишком выраженной, от нее даже не шла рябь по кофе, разлитому по чашкам с бренд-иконами, по крайней мере, Шмидт со своего места ничего подобного не видел, пока стоял и рассеянно крутил в руках легко стираемый маркер, чем обозначал перед собравшимися и неформальность общения, и слегка очеловечивающую нервозность. Без сепийного оттенка в освещении на тяжелом конференц-столе из сосны с инкрустацией из лимона и толстым покрытием из полиуретана скапливались бы ослепительные блики отраженного солнца, меняющие угол в соответствии со сменой ракурса смотрящего относительно солнца и стола. Также Шмидту пришлось бы наблюдать за тем, как в колоннах прямого солнечного света вращаются пыль и крошечные волокна одежды, очень мягко оседая у всех на головах и телах, такое происходит даже в самых чистых конференц-залах, что было одной из главных претензий Шмидта к нетонированным интерьерам конференц-залов в некоторых других агентствах Лупа и Большого Чикаго. Иногда, ожидая ответа по телефону, Шмидт клал палец в рот и держал там без всякой уважи-

тельной причины. Дарлин Лилли – замужем и мать большеголового младенца, чья фотография украшала ее стол и комод в «Команде Ду», – три фискальных квартала назад подверглась непрошеным сексуальным авансам от одного из четырех Старших директоров отдела исследований, по назначению Алана Бриттона отвечающего за связь между полевой командой, командой технической обработки и верхними эшелонами «Команды Ду», – авансам и давлению, в глазах Шмидта и большей части полевой команды более чем достаточным для юридического иска, каковые авансы Лилли сумела отбить и развеять невероятно мастерским образом, не поднимая криков или скандала, способных разделить фирму по гендерным и/или политическим линиям, и ситуация разрядилась и замялась вплоть до того, что Дарлин Лилли, Шмидт и три других члена полевой команды до сих пор поддерживали продуктивные рабочие отношения с этим смуглым и вонючим пожилым Старшим директором отдела исследований, который теперь как раз руководил полевыми исследованиями по проекту «Мистер Пышка»/РШБ, и лично Терри Шмидт даже благоговел перед тем, как она владела собой, перед навыками в межличностных отношениях, что проявила Дарлин в напряженный период, причем к благоговению примешивался невольный элемент романтического влечения, и действительно, по ночам в своем кондоминиуме Шмидт иногда без чувства – словно ничего не мог с собой поделаться – мастурбировал при мысли о влажном и шле-

пающем сношении с Дарлин Лилли на одном из громоздких лаковых конференц-столов в фирмах, для которых они проводили статистические исследования рынка, и это служило третичной причиной того, что он делал с маркером для доски и что практикующие социальные психологи называли бы его МРП³, пока он модулированным тоном непротокольного доверия рассказывал Фокус-группе о самых драматичных тяготах, с какими пришлось столкнуться «Ризмайер Шеннон Белт» при утверждении бренд-характера продукта и при разработке рабочего названия «Преступление!», а сам все время представлял более автономной частью мозга модератора Дарлин, как она озвучивает для собственной Фокус-группы не более чем стандартные минимальные инструкции перед РРГ, стоя перед участниками в темных чулках «Хейнс» и бордовых туфлях с высокими каблучками, – их она хранила на работе в нижнем правом ящике комода, их надевала каждое утро после кроссовок, как только садилась и подкатывала кресло к ящикам комода, притворно кряхтя от усилия, – как она (в отличие от Шмидта) изредка ходит туда-сюда перед доской, иногда опирается на каблук и слегка вращает ногу или скрещивает толстые лодыжки, чтобы придать своей позе беспечный и безмятежный вид, как время от времени снимает изящные овальные очки, но не пожевывает дужку, а придерживает их на таком расстоянии от губ, чтобы сложилось впечатление, будто она может в любой момент

³ = Механизм ручной подправки.

поместить пластмассовый наконечник дужки в рот и рассеянно пожевать – подсознательный жест одновременно и робости, и сосредоточенности.

Ковер в конференц-зале был лиловым и ворсовым, и колесики оставляли на нем симметричные отпечатки, когда один мужчина или несколько поправляли офисные крутящиеся кресла, чтобы сменить позу ног или положение тела по отношению к столу. Система вентиляции накладывала на далекий шум улицы и города, срезанного толщиной окна почти до намека, бледный гул. Каждый из участников Целевой Фокус-группы носил сине-белый бейджик, надписанный от руки именем без фамилии. 42,8 % надписей были сделаны курсивом; три из оставшихся восьми – прописными буквами, причем все имена прописью начинались с буквы «Х» – примечательное, но не имеющее статистического смысла совпадение. Еще иногда Шмидт, так сказать, отступал в своих мыслях и рассматривал Фокус-группу как единицу – массу бюстов телесного цвета, поставленных под прямым углом: он наблюдал все лица сразу, как группы, так что через его фильтр не проникало ничего, кроме самых широких общностей. Лица были ухоженными, среднего и верхнего уровня достатка, нейтральными, условно внимательными, налитые кровью мозги за ними думали о жизни, работе, проблемах, планах, страстях и проч. Никто из них ни дня в жизни не испытывал голода – это было центральной общностью, и для Шмидта она о чем-то говорила. Редко когда продукт по-на-

стоящему проникал в сознание Фокус-группы. Одно из первых правил, с которым смиряется полевой исследователь, – продукт никогда не займет в разуме ЦФГ такое же место, как в разуме Клиента. Реклама – не вуду. Клиент в конечном счете надеется всего лишь создать видимость связи или резонанса между брендом и тем, что важно для потребителя. А для потребителя важен – всегда и неизменно – он сам. То, чем он себя считает. В долгосрочной перспективе Фокус-группы не вносили никакого вклада; по мнению Шмидта, единственным настоящим тестом могут быть только реальные продажи. Сегодня по плану надо было затянуть опрос дольше обеда и вынудить участников питаться одними только сладостями. По идее нормальное время завтрака прошло до их приезда, и можно было ожидать, что уровень сахара в крови участников поползет вниз ровно в 11:30. По тем, кто съел больше «Преступлений!», ударит сильнее всего. Среди прочих симптомов низкий уровень сахара в крови вызывает сонливость, раздражительность, пониженную закрепощенность – их непроницаемые лица дадут слабинку. Некоторые из ЦФГ-стратегий бывают чрезвычайно манипулятивными или даже негуманными – всё во имя данных. Однажды агентство по продаже альтернативы отбеливателя поручило «Команде Ду» собрать первородящих матерей в возрасте от 29 до 34 лет, чей ТАТ (тематический апперцептивный тест) показывал психологические комплексы в трех ключевых областях, и предложить им анкеты, где вопросы

были задуманы так, чтобы спровоцировать и/или усугубить эти комплексы: «Испытывали ли вы когда-нибудь негативные или враждебные чувства к своему ребенку?», «Как часто вам кажется, что вам нужно скрывать или отрицать тот факт, что вы неполноценный родитель?», «Учителя или другие родители когда-нибудь делали замечания о вашем ребенке, после которых вам становилось стыдно?», «Как часто вам кажется, что ваш ребенок в сравнении с другими детьми выглядит неухоженным или неопрятным?», «Вы когда-нибудь пренебрегали стиркой, отбеливанием, починкой или глажкой одежды вашего ребенка ввиду временных ограничений?», «Казался ли ваш ребенок грустным или тревожным по неизвестным вам причинам?», «Вы можете вспомнить момент, когда казалось, что ребенок вас боится?», «Вызывают ли у вас негативные ощущения поведение или внешний вид вашего ребенка?», «Вы когда-нибудь говорили или думали нечто негативное о вашем ребенке?» и проч., – как и было задумано, после одиннадцати часов и шести отдельных раундов наедине с аккуратно составленными анкетами женщины пришли в такое эмоциональное состояние, что данные о позиционировании «Улыбки Экстра» с учетом глубоких материнских фобий и расстройств оказались поистине бесценны... и, на взгляд Шмидта, так и остались незадействованными в рекламной кампании, которую агентство в итоге продало «Проктер & Гэмбл». Дарлин Лилли впоследствии говорила, что ей хотелось обзвонить всех женщин из Фо-

кус-групп, извиниться перед ними и сообщить, что в эмоциональном смысле их просто-напросто подставили и замучили.

В число других продуктов и агентств, над бренд-кампаниями которых работала полевая команда Терри Шмидта и Дарлин Лилли в «Команде Ду», входили: вафли «Даунифлейк» для «Д'Арси Масиус Бентон энд Боулс», диетическая кола без кофеина для «Адс Инфинитум США», «Эвкалиптаминт» для «Прингл Диксон», гражданская бизнес-страховка для «Краутхаммер-Джейнс/SMS», «Особое экспортное» и «Особое экспортное лайт» компании «Джи Хейлеман Брюинг» для «Байер Бесс Вандерваркер», персональная сигнализация «ХелпМи» от «Виннер Интернейшнл» для «Ризмайер Шеннон Белт», комфортные перчатки «Изотонер» для «PR Коджент Партнерс», «Северная туалетная бумага» для «Ризмайер Шеннон Белт» и новый назальный спрей «Назакорт AQ» от «Рейн-Пулен Рорер» – также для РШБ.

Сторонний наблюдатель мог заметить что-то необычное или из ряда вон выходящее в статусе двух НАМов лишь одним способом: обратить внимание, что модератор ни разу не посмотрел на них прямо, не задержал на них взгляда, тогда как с каждым из остальных двенадцати человек Шмидт, напротив, через разные интервалы устанавливал краткий, но искренний зрительный контакт: сперва с одним, потом с другим в противоположном конце конференц-стола и так далее

– этот незаметный навык (у него нет специального термина) нередко присущ тем, кто часто выступает перед небольшими группами: Шмидт не смотрел в глаза долго, чтобы не вызвать дискомфорт, но и не водил взглядом автоматонски туда-сюда, практически ни на ком не задерживаясь, иначе мужчины в Фокус-группе почувствовали бы, что представитель «Мистера Пышки» и «Преступлений!» говорит для них или перед ними, но не с ними; и только действительно опытный наблюдатель за малыми группами заметил бы, что двоим мужчинам в конференц-зале – резкому и эксцентричному участнику, сидящему в окружении продуктов личной гигиены, и молчаливому мужчине в блейзере, свитере с высоким воротником и очках, расположившемуся за дальним концом стола и искренне смотрящему на все вокруг, – в конце концов Шмидт его вычислил, второго НАМа выдавало что-то слишком искусственное в выражении лица и скорости моргания, – модератор ни разу не посмотрел в глаза прямо. Эта промашка Шмидта была совсем незаметной, и только чрезвычайно опытный и необычно внимательный наблюдатель мог извлечь из нее какой-то смысл.

Также на фигуре снаружи были скалолазный пояс для инструментов и большой рюкзак из нейлона или микроволокну. Визуально она казалась броской и многосложной. На каждом узком карнизе фигура, похоже, снова пользовалась присосками на правой ладони и запястье, чтобы гибко подтянуться с лежащей позиции в стоячую – крестовую, лицом

к стене, обнимая стекло и полагаясь на присоски на обеих руках, чтобы не завалиться назад, когда она поднимала левую ногу и упиралась ботинком, чтобы прижать присоски на подошве к отражающей поверхности. Судя по всему, вакуумное действие в присосках активировалось и деактивировалось легкими вращательными движениями, требующими немалых тренировок, чтобы исполнять их так же ловко, как это получалось у фигуры. Рюкзак и ботинки были одного цвета. Большая часть пешеходов, посмотревших вверх, остановившихся и уже скопившихся в небольшую толпу зевак, обнаружила, что их внимание целиком поглощено и заморожено механикой этого подъема без страховки. Человек преодолевал каждое окно, задирая левую ногу и правую руку, плавно подтягиваясь вверх, затем прикреплял болтающуюся правую ногу и левую руку и активировал их присоски, перенося на них вес тела, пока сам деактивировал присоски на левой ноге и правой руке, поднимал их выше и активировал вновь. В том, как он режиссировал задачи разных конечностей, чувствовалась высокая точность и организованность. День оказался очень свежим, ветер наверху – сильным; облака из тех, что еще остались, быстро пробегали по узкому прямоугольнику небес, видимому над обрамляющими улицу высокими зданиями. Само осеннее небо было такого оттенка синего, как будто горело. Люди в шляпах сдвигали шляпы на затылок, а люди без шляп прикрывали глаза руками в перчатках, задрав головы и наблюдая за путешествием фи-

гуры на стене. В ущельях между зданиями и с подножия каньона не было видно скисшего неба над озером. Также на затылке капюшона белой липучкой закреплялась еще одна большая дополнительная присоска. Когда фигура покоряла очередной карниз и на миг ложилась на бок лицом к пропасти, то зрители с визуальной перспективой, стоявшие достаточно далеко от здания, могли разглядеть другую большую оранжевую присоску – близняшку присоски на капюшоне, – закрепленную на лбу, предположительно той же липучкой, хотя она, видимо, находилась под капюшоном. Как и – здесь публика пришла к согласию, – либо отражающие очки, либо очень и очень странные и пугающие глаза верхолаза.

Шмидт просто дает Фокус-группе небольшой дополнительный бэкграунд, говорил он, о происхождении продукта и некоторых маркетинговых проблемах в связи с ним, но также говорил, что ни в коем случае или мере не сообщает всю подноготную, что он не хочет притворяться, будто сообщает участникам нечто больше пары разрозненных фактов. В ориентационной фазе перед РРГ каждая минута на счету. Один из мужчин громко чихнул. Шмидт объяснил, что «Ризмайер Шеннон Белт Эдв.» желает предоставить Фокус-группе щедрый период времени в закрытом режиме, чтобы ее участники объединились и обсудили свой опыт и оценку «Преступлений!» в группе, обменялись мыслями, так сказать, наедине, как группа, без исследователей рынка над душой, которые либо не затыкаются, либо надзирают, будто

участники – какие-то психологические подопытные кролики, а это значит, что скоро Терри от них отстанет, а они всё взвесят и побеседуют в приватной обстановке друг с другом, и что он не вернется, пока какой-нибудь избранный ими представитель не нажмет большую красную кнопку рядом с реостатом освещения зала, а та в свою очередь активирует – эта красная кнопка – желтый свет в кабинете дальше по коридору, где, говорил Терри Шмидт, он будет метафорически плевать в потолок в ожидании момента, когда его, если все сложится, позовут забрать пакет с единодушным Резюме реакций группы, каковой их избранный представитель получит безотлагательно. Одиннадцать из мужчин в комнате уже употребили хотя бы один из продуктов на центральном подносе стола; пятеро – больше одного. Шмидт – который уже не вертел в руках легко стираемый маркер, так как глаза некоторых мужчин начали следить за его рассеянными движениями, и он почувствовал, что этот прием начинает отвлекать, – сказал, что теперь он, по идее, должен произнести перед ними совсем небольшую рекламную речь о том, почему после всего времени и усилий, которые они уже по отдельности вложили в свои Индивидуальные профили реакций, Терри попросит их начать все заново и коллективно подумать над разными вопросами и шкалами в пакете РРГ. У Шмидта был особый трюк, чтобы избавиться от легко стираемого маркера: он очень небрежно клал его на полочку у основания доски и сильно щелкал по кончику маркера, чтобы тот

скользнул вперед и остановился как раз перед тем, как вылететь с другого конца, а колпачок лег почти вровень с концом полочки, такой номер Шмидт исполнял для ЦФГ почти в 70 % случаев, исполнил и теперь. Трюк еще более впечатлял своей будничностью, если исполнять его, не отвлекаясь от выступления; и трюку, и словам Шмидта она придавала ощущение беззаботности, лишь усиливающей воздействие.

27 фискальных кварталов назад на одной из презентаций по ориентации новых исследователей полевой команды этот фокус со всей небрежностью продемонстрировал сам Роберт Авад – то есть Старший директор отдела исследований «Команды Ду», который впоследствии будет помогать Дарлин Лилли, но окажется так грамотно обезврежен. Одна из центральных скреп «Ризмайер Шеннон Белт Эдвертайзинг», говорил Шмидт, одна из черт, выделявшая РШБ среди других агентств и потому, конечно, являвшаяся предметом их настоящей гордости, которую они всегда подчеркивали в питчах для клиентов вроде «Мистера Пышки» и «Североамериканских мягких кондитерских изделий», заключалась в том, что ИПР вроде 20-страничных анкет, так любезно заполненных мужчинами в отдельных безвоздушных кабинках, были точным, но лишь частичным средством исследования: ведь корпорации с национальной или даже региональной дистрибуцией полагаются на обращение не к одним только индивидуальным потребителям, но и – почти само собой разумеется – к очень большим группам таковых, группам, состоящим,

да, из индивидов, но тем не менее остающимся группами – крупными сущностями или коллективами. Эти группы, как их видят и понимают исследователи рынка, говорил Шмидт Фокус-группе, величины странные и зыбкие, чьи вкусы – а именно групп, или рынков с маленькой буквы «р», как их называют в индустрии, – чьи вкусы, капризы и пристрастия не только – как, несомненно, известно мужчинам в комнате, – неуловимы, непостоянны и подвержены влиянию миллионов крошечных факторов в аппетитивном характере каждого индивидуального потребителя, но при этом и – довольно парадоксально – являются производными различных влияний членов этих групп друг на друга: набора взаимодействий и рекурсивно экспоненциальных реакций-на-реакции столь сложных и многосторонних, что статистические демографы чуть ли не с ума от них сходят и что даже для попытки их моделирования требуется целая «Сисплекс»-серия невероятно мощных низкотемпературных суперкомпьютеров бренда «Крэй».

И если все это похоже только на маркетинговую демагогию, говорил Терри Шмидт Фокус-группе с видом человека, только что ослабившего галстук после окончания чего-то публичного, то, может быть, простейшим образцом того, о чем говорит РШБ, в плане внутрирыночных влияний будут, пожалуй, скажем, например, подростки и мода с трендами, которые лесными пожарами проносятся по рынкам, состоящим в основном из детей, – то есть ученики средней школы,

студенты колледжа и такие рынки, как, к примеру, поп-музыка, модная одежда и тому подобное. Если в эти дни участники Фокус-группы видели множество подростков в слишком больших штанах с низкой посадкой и штанинами, которые волочатся по земле – возьмем очевидный пример, говорил Шмидт, словно бы хватаясь за первый попавшийся, – или если у самих мужчин – как наверняка у присутствующих постарше (а именно двоих) – есть дети, которые в последние два года внезапно принялись хотеть и носить слишком большую одежду, отчего стали похожи на беспризорников из викторианских романов, хотя при этом, как, наверно, отлично знают эти мужчины – с мрачным смешком, – такая одежда влетает в «Гэпе» и «Стракчере» в копеечку. И если вы удивлялись, почему это ваш ребенок стал такое носить, то, конечно, по большей части, ответ прост: потому что это носят другие дети, ведь дети сегодня как демографический рынок слывут своей стадоподобностью, а на индивидуальный потребительский выбор подавляюще влияет потребительский выбор других детей, и такой необычный характер спроса распространяется лесным пожаром, а потом обычно резко или таинственно исчезает или превращается во что-то еще. Это простейший и очевидный пример сложной системы того, как внутригрупповые предпочтения в больших группах влияют друг на друга и экспоненциально надстраиваются друг на друга, пример того, что такая система больше походит на цепную ядерную реакцию или эпидемиологиче-

скую сеть распространения, чем на простой случай каждого индивидуального потребителя, который решает в частном порядке для себя, чего он хочет, а потом идет в магазин и трезвомысляще тратит на выбранный продукт свой наличный доход. У зануд из демографического отдела есть дежурное название для этого феномена – метастатический паттерн потребления, или МПП, говорил Шмидт Фокус-группе, закатывая глаза и поощряя тем самым тех, кто слушал, посмеяться вместе с ним над жаргоном статистиков. Надо держать в уме, продолжал модератор, что модель, которую он сейчас схематически набросил, упрощена – например, опускает рекламу и СМИ, а те в сегодняшней гиперсложной бизнес-среде всегда стремятся предугадать и подпитать эти внезапные пролиферирующие движения в групповом выборе, всегда нацеливаются на переломную точку, когда продукт или бренд достигают такой повсеместной популярности, что становятся как бы реальными культурными новостями и/или пушечным мясом для культурных критиков или комиков, плюс также допустимым продакт-плейсментом для развлекательной индустрии, стремящейся казаться реальной и живущей настоящим, вследствие чего продукт или стиль, ставшие «горячими» на какой-то идеальной вершине МПП-графика, уже не требуют особых расходов на рекламу – горячий бренд становится, так сказать, темой культурной повестки или элементом того образа, в котором себя желает видеть рынок, а это – здесь Шмидт мечтательно улыбнулся – редкий

и вождественный феномен и потому считается в маркетинге чем-то вроде победы на первенстве по бейсболу.

Из двенадцати настоящих участников Фокус-группы лишь 67 % внимательно слушали речь Терри Шмидта, а из них двое теперь посмотрели на модератора так, словно пытались решить, не стоит ли им слегка обидеться: обоим было больше 40. Также некоторые взрослые индивиды, которые сидели друг напротив друга за конференц-столом, начали обмениваться взглядами, а раз (как полагал Шмидт) они не были прежде достаточно знакомы или связаны для действительно содержательного зрительного контакта, то казалось вероятным, что их взгляды стали реакцией на аналогию модератора с подростковой модой. У одного из участников группы росли бакенбарды в классическом стиле южных штатов, заостренные и спускающиеся до самой челюсти. Трое самых младших участников группы явно не слушали Терри, а двое из них по-прежнему сохраняли позы и конфигурации лица, задуманные для того, чтобы об этом недвусмысленно заявить. Третий взял со стенда на столе уже четвертое «Преступление!» и принялся как можно тише снимать обертку, тайком озираясь вокруг и явно пытаясь определить, нет ли у кого-либо возражений по поводу превышения его технической доли продукта. Шмидт, слегка импровизируя, продолжал: «Я, конечно, говорю здесь о подростковой моде только потому, что это пример самого простого, самого интуитивного толка. Маркетологи «Мистера Пышки» отлично знают,

что вы, господа, не дети, — он слегка улыбнулся младшим участникам, те, все трое, как-никак, уже имели право голосовать, покупать алкоголь и поступать на службу в вооруженные силы, — и мы не пытаемся вызвать стадное мышление, когда оставляем вас как группу совещаться между собой. Держите в уме хотя бы то, что маркетинг мягких кондитерских изделий устроен иначе: все куда сложнее, и по-настоящему говорить о групповой динамике рынка куда сложнее без компьютерного моделирования и всяческой жуткой математики на доске, а мы и не мечтаем, что вы согласитесь ее вытерпеть».

Одинокий бесстрашный спортивный катер прокладывал курс справа налево по той части озера, что виднелась из большого окна, и раз-другой далеко снизу, с Ист-Гу-рон-стрит, доносился автомобильный гудок с такой напористой протяжностью, что он вторгался в область внимания Терри Шмидта и нескольких тщательно проверенных потребителей в этом конференц-зале, пару из них Шмидт, и в этом он был вынужден признаться, пожалуй, откровенно невзлюбил: оба были несколько старше его, один даже носил накладные волосы: что-то непроницаемое чувствовалось в их глазах и еще в том, как они самодовольно вносили небольшие изменения в положение своих частей тела или гардероба — причем иногда они это делали крайне сосредоточенно, словно давая всем знать, насколько они важные люди, насколько высоко ценится их внимание, что они — старые и

опытные заседатели в залах, где молодые наивные энтузиасты с мольбертами и цветными таблицами выступают с презентацией и пытаются выклянчить у них благосклонную реакцию, и что они куда выше того низкоуровневого массового потребителя, на которого нацелено шмидтовское неуклюжее подражание искренней непосредственности, что они отвечали на звонки по мобильному или даже уходили посреди куда более проработанных, изощренных, убедительных питчингов, чем этот. Шмидт несколько лет ходил к психотерапевту и мог взглянуть на себя со стороны, знал, что определенный процент его реакции на то, как эти старшие мужчины холодно изучают кутикулы или щиплют складку штанов на верхней ноге, откинувшись на крестец и поигрывая ступней, обусловлен его собственными комплексами, что он сам чувствовал себя несколько замаранным или оскверненным всем этим современным маркетингом и что это иногда проявлялось в проекции на других, в чувстве, что те, с кем он просто пытается как можно искреннее общаться, всегда уверены в одном: он хочет им что-то продать или как-то повлиять на них, – словно одна только должность, пусть даже эфемерная, в великой перемалывающей маркетинговой машине США бросила тень на все существо Шмидта и словно теперь во всем его выражении появилась какая-то глубинно подозрительная или заискивающая черта, и она всегда кажется врожденно фальшивой или манипулятивной и отталкивает людей, причем не только в его профессии – ведь профессия

вовсе не составляла все существование Шмидта, в отличие от столь многих из «Команды Ду», и даже вообще не была чем-то таким ужасно важным; он вел яркую и сложную внутреннюю жизнь и много занимался самоанализом, — но и в его личном пространстве, словно профессиональные маркетинговые навыки где-то в процессе пустили метастазы в саму его личность, и теперь он стал таким человеком, о котором — если бы, конечно, Шмидт собрал волю в кулак, предложил своей коллеге сходить в бар, за выпивкой раскрыл свое сердце и признался, что невероятно ее уважает, что его чувства к ней включают элементы восхищения как профессионального характера, так и весьма личного и что он проводил в мыслях о ней куда больше времени, чем она наверняка до этого представляла, и что если он хоть чем-нибудь может сделать ее жизнь счастливее, или легче, или удовлетворительнее, или насыщеннее, то он надеется, что она просто скажет одно только слово, ведь большего от нее и не требуется: сказать одно только слово, или щелкнуть толстыми пальцами, или даже многозначительно посмотреть на него, и он будет рядом, моментально и безо всяких оговорок, — все равно, вероятно, подумают, пожалуй, что он просто хочет с ней переспать, полапать ее, что он домогается ее, или же у него какая-то отвратительная одержимость ею, или что он даже устроил в углу пустой второй спальни своего кондоминиума тайный и пугающий чуть ли не алтарь, посвященный ей и сложенный из ее личных вещей, выуженных из мусорной

корзины в ее кабинке или редких саркастичных замечок, которые она передавала Шмидту во время особенно унылых или абсурдных совещаний «Команды Ду», или что скринсейвер на его домашнем «Пауэрбуке» от «Эппл» – увеличенный на ПО «Эдоуб» цифровой фотоснимок в разрешении 1440 точек на дюйм с ними двумя, где он стоит, положив ей руку на плечо, а от полевого сотрудника «Команды Ду», стоящего с другой стороны, осталась только часть плеча и рука на ее втором плече: фото сделано на пикнике 4 июля, два года назад устроенном «А. К. Ромни-Джесват & Парт.» на Военно-морском пирсе для своих исследователей-субподрядчиков, причем Дарлин на снимке с кружкой в руках и улыбается так, что верхняя десна у нее видна не меньше зубов, а красный цвет на кружке с элем после цифровой обработки напоминает оттенок ее губной помады и маленькой алой заколки, которую Дарлин часто носит ровно посреди прически в качестве какой-то личной изюминки или заявления.

Толпа на тротуаре все еще росла неравномерно. На каж-дых двух-трех прохожих, присоединявшихся к группе за-дравших головы зевак, находился тот, кто вдруг смотрел на часы, отделялся от коллектива и торопился либо на север, либо через улицу, чтобы успеть на какую-нибудь встречу. Таким образом, с известной точки зрения маленькая толпа на-поминала живую клетку, вовлеченную во взаимодействие и обмен с подпитывающими ее линейными уличными потоками. Не было никаких признаков, что лезущая фигура видела

флуктуационно растущую массу далеко вниз. Она точно не демонстрировала никаких жестов или выражений, которые у людей ассоциируются с взглядом вниз с большой высоты. Никто из зрителей на тротуаре не показывал пальцем на верхолаза и не кричал; по большей части все просто наблюдали. Какие дети были, те держались за руку своего опекуна. Между смежными зеваками иногда слышались замечания или обрывки разговоров, но те звучали из уголков рта, так как все стороны смотрели на отвесную поднебесную колонну перемежающихся стекла и преднапряженного камня. На каждый этаж у фигуры уходило приблизительно 230 секунд: пешеход засек время. Рюкзак и пояс для инструментов как будто распирало от какого-то снаряжения. Вдоль плеч из гортекса шли петли, и еще – если только это не было игрой света, отраженного от окон зданий, – на плечах фигуры, на тыльных сторонах коленей и в центре странного бело-голубого узора в виде мишени на заду фигуры виднелись странные протуберанцы в виде почти что сосков. Кошки с альпинистских ботинок снимаются для заточки или замены аленьким квадратным инструментом, рассказывал людям вокруг длинноволосый мужчина, придерживающий у бедра дорогой велосипед. Лично ему казалось, что он знает, зачем нужны протуберанцы. Новые члены толпы всегда спрашивали людей вокруг, что происходит, известно ли им что-нибудь. Костюм был герметичным, и человек казался надувным или был задуман так выглядеть, говорил длинноволосый. Разговаривал он как

будто с велосипедом: никто не обращал на него внимания. Для езды он заколол штанины. На каждом третьем-четвертом этаже фигура задерживалась для передышки, лежала на узком выступе с лепным орнаментом. Человек, который когда-то водил шаттл в аэропорт, высказал мнение, что фигура на карнизе медлит нарочно, подгоняя подъем под какое-то расписание; адресат его слов – ребенок, державший за руку женщину, – быстро перевел на него взгляд, по-прежнему запрокинув голову. Любой взглянувший прямо вниз увидел бы пестрящее сблище из нескольких десятков наблюдающих лиц, с телами в таком перспективном сокращении, что от них остались только намеки.

– Возможно, но только до определенной степени, – ответил затем Терри Шмидт на что-то вроде вопроса-утверждения от высокого человека с лицом в форме воздушного змея и с именем ФОРРЕСТ на частично поврежденном бейджике (два из шести бейджиков с надписями от руки остались надорванными или разделенными на части после удаления с клейкой подложки) – мужчины лет 40 с большими волосатыми руками и слегка протертым воротником, который благодаря своей ауре помятого достоинства – наряду с двумя отдельными вопросами, действительно помогавшими лучше донести повестку презентации, – стал личным выбором Шмидта в представители коллектива. – Дело просто в том, что, по мнению РШБ, реакция вашей Фокус-группы как группы вместо обычной суммы личных индивидуальных

реакций – равно важный инструмент исследований рынка в случае продукта вроде «Преступления!». Как у нас говорится, «РРГ не хуже ИПР», – с непринужденностью, какой он на самом деле не чувствовал. Один из младших участников – 22 года, согласно убористому чарльстонскому коду, вплетенному в орнамент вдоль нижней границы бейджика, и красивый в каком-то обобщенном смысле, – сидел в бейсбольной кепке задом наперед и мягком шерстяном свитере с вырезом, без рубашки, демонстрируя мощную грудь и предплечья (рукава свитера были аккуратно закатаны, чтобы с продуманной небрежностью раскрыть мускулатуру предплечий – как будто он подвернул рукава машинально, сосредоточенно размышляя о чем-то, кроме себя самого) и закинув лодыжку на колено, при этом он соскользнул так низко на копчик, что ступня оказалась примерно на одном уровне с его подбородком, вследствие чего младший член группы придерживал выдающееся колено пальцами, сложив их так, чтобы предплечья из-за приложенного усилия напряглись еще больше. Терри Шмидту пришлось в голову, что, хотя так много домашних продуктов – от мультивитаминов «Центрум» до антиаллергенных глазных капель от раздражения «Визин АС» и рецептурного назального спрея «Назакорт АQ» – выходили в ассоциирующихся с добросовестностью упаковках с защитой от неумелого обращения после отравлений «Тайленолом» в прошлом десятилетии и легендарно оперативной и добросовестной реакции на кризис со стороны «Джонсон

«Дж. & Джонсон» — компания ликвидировала все разновидности «Тайленола» со всех розничных полок в Америке, потратила миллионы долларов на создание удобной и нехлопотной системы, чтобы каждый потребитель «Тайленола» вернул свой флакон за немедленное денежное возмещение, назначенное аттестационным органом, плюс добавочную сумму за потребовавшиеся при возврате траты на бензин, километраж или услуги американской почты, списала десятки миллионов на возвраты и операционные расходы, зато наверстала на несказанные порядки больше в положительном пиаре и благожелательном отношении потребителей, тем самым даже упрочив ассоциацию бренда «Тайленол» с заботой и состраданием о благополучии потребителя, за какую стратегию СЕО «Дж. & Дж.» и их пиар-подрядчики вошли в легенды маркетинга, о котором Терри Шмидт как раз в том же году начал подумывать как о потенциально творческом и полезном поприще для применения своих дипломов по описательной стат. + пов. психологии, молодой Шмидт воображал себя в роскошных конференц-залах вроде этого, где благодаря чистой силе своей харизмы и мастерскому владению фактами убеждал целые столы суровых должностных лиц в том, что обоснованная забота о благосостоянии потребителя — это Хороший Бизнес и с эмоциональной, и с экономической точки зрения: что если, например, «Р. Джей Рейнольдс» распишется в том, что его продукты вызывают зависимость, GM в своей национальной рекламе откровенно скажет о том, что

можно достичь более значительной топливной эффективности, если потребители будут готовы заплатить на пару сотен долларов больше и слегка пренебречь эстетическими изысками, производители шампуня признают, что пункт «Повторить» в инструкциях на этикетке их продуктов гигиенически необязателен, а «Дженерал Брендс» – родительская компания «Тамс» – потратит пару миллионов и честно заявит, что антациды бренда «Тамс» не стоит применять на регулярной основе больше пары недель подряд, так как слизистая оболочка желудка автоматически начинает выделять больше HCl для компенсации нейтрализующего действия таблеток и только усугубляет изначальные проблемы с пищеварением, то последующие выгоды для корпоративного пиара и ассоциация бренда с принципиальностью и надежностью более чем перевесят краткосрочные затраты и спад цен на акции, что да, это риск, но не шальной, как в казино, что на стороне этого подхода – и кейсы-прецеденты, и демографические данные, а также солидная репутация как осмотрительности, так и принципиальности «Т. Э. Шмидта & Партнеров», а также Шмидт признавал, что да, господа, наверное, он в каком-то смысле просит их поставить на кон определенные, строго краткосрочные прибыли и капитал лишь по одному только скромному слову Теренса Эрика Шмидта-мл., чей лучший и окончательный аргумент – очевидное природное сочетание в его характере добродетели, прагматичности и риторических маркетинговых умений; он не говорит этим

представителям высшего руководства в жилетах и «Коул Ха-
анах» ничего сверх того, что предлагал им самим же сказать
жалкому и циничному рынку США: «Поверьте, вы не пожа-
леете», – причем, если он вспоминает о детском идеализме
и нарциссизме этих фантазий теперь, почти десять лет спу-
стя, то Шмидта как бы внутренне передергивает всем телом
– это такой тип стыда за прежнего себя, из-за которого на-
ши самые зазорные воспоминания становятся объектами од-
новременно притяжения и отвращения, хотя в случае Тер-
ри Шмидта достаточно длительные самоанализ и психотера-
пия (в последней и лежат корни его автокарикатур во вре-
мя выпадающего досуга в бежевой кабинке) позволили ему
осознать, что такие профессиональные фантазии, в сущно-
сти, не так уж уникальны и немалый процент умных моло-
дых людей видит стимул для выбора своей карьеры в той
уверенности, будто они фундаментально отличаются от обы-
вателей, уникальны и в каких-то критических смыслах даже
лучше, более, так сказать, центральны, значительны – а как
еще объяснить тот факт, что они находились в центре всего,
что пережили за полные 20 лет своей сознательной жизни? –
и будто они могут внести свой вклад на выбранном попри-
ще и внесут его одним уже своим уникальным и централь-
ным присутствием, и но, короче (все это время Шмидт по-
прежнему профессионально ораторствует перед ЦФГ), что,
хотя столько потребительских продуктов верхнего сегмен-
та рынка теперь выходит с защитой от дураков, пирожные

бренда «Мистер Пышка» – а также «Хостесс», «Литл Дебби», «Долли Мэдисон» – вся индустрия мягких кондитерских изделий с хлипкими обертками из неополимеров и дешевыми упаковками экономичного размера из тонкого картона – оставались решительно без всяких защит от дурака, а потому простая игла для подкожных инъекций самого тонкого диаметра и 24 крошечных дозы KCN, As₂O₃, рицина, C₂₁H₂₂O₂N₂, ацинцетилхолина, ботулотоксина, даже таллия или какого-нибудь металлосодержащего соединения на водной основе могли поставить почти всю индустрию на одно заискивающее колено; ведь даже если производители мягких кондитерских изделий переживут изначальный ужас и сумеют восстановить какую-то долю потребительского доверия, низкая цена соответствующих продуктов уже считалась критической частью их утвержденной Матрицы рыночной привлекательности⁴, а стоимость усиления безопасности экономичной упаковки или придания отдельным пирожным внешней неуязвимости к тонкой игле для подкожных инъекций задвинет эти продукты так далеко направо по потребительской кривой, что пирожные масс-маркета станут экономически и эмоционально недоступны, и корпоративные мягкие кондитерские изделия тут же отправятся вслед за автостопом, детскими гуляньями на Хеллоуин без присмотра родителей, торговлей вразнос и т. д.

Во время пред-РРГ-презентации лимбические части

⁴ Также, пусть это и несколько сбивает с толку, = МРП.

Шмидтовского мозга периодически следовали по этому направлению мыслей, тогда как другая область его разума изучала эти воспоминания и фантазии со стороны и испытывала одновременно притяжение и отвращение из-за того, что все эти наблюдения и чувства разворачивались в полностью субъективном личном пространстве, пока сам Шмидт проводил в Фокус-группе инструктаж, а также излагал ее участникам как бы закрытые сведения о месте «Мистера Пышки» в индустрии мягких кондитерских изделий, о некоторых тяготах при разработке и маркетинге продукта, представшего перед собравшимися мужчинами в виде «Преступлений!» (вскользь упоминая о зреющих планах на миниатюрные порции «хулиганств!» [sic] в том случае, если на рынке закрепится оригинальный продукт), когда по меньшей мере половина членов группы слушали его, что называется, вполуха, следуя по собственным направлениям мыслей, и Шмидт на мгновение представил всех в конференц-зале в виде каких-то айсбергов и/или льдин, у которых видны только острые вершины, которые неизвестны и непознаваемы друг для друга, и подумал, что, возможно, только в браке (причем хорошем браке, а не благопристойном танце одиночества вместо настоящей супружеской близости, какую он наблюдал на примере своих матери и отца на протяжении семнадцати лет) партнерам позволено заглянуть под социальную маску с вершины айсберга и разоблачиться для полного *познания* другим – может, даже вплоть до того, чтобы не только

дать партнеру увидеть отвратительную россыпь бородавок слева под мышкой или как ногти на обеих ногах после любой простуды или вирусной инфекции на несколько недель становятся странного темно-желтого цвета, но и чтобы время от времени поздно ночью рыдать друг у друга в объятиях, изливая самые жуткие личные страхи и мысли о неудаче, бессилии и ужасной и всецелой *крошечности* в сравнении с перемалывающей профессиональной машиной, которую ты когда-то в своем безрассудстве хотел исправить, или внести в нее вклад, или просто быть в ней чем-то бóльшим, чем маленьким безликим винтиком, а также стыд из-за такой неумной и неумной жажды хоть как-то встряхнуть индустрию, из-за которой ты снова и снова фантазируешь о том, что пусть жестко, но изменишь привычный ход событий с помощью подкожного шприца и восьми кубиков дистиллята из касторовых бобов, и так будет лучше, в чем-то правильной для твоей личной центральности и важности, чем жить не более чем безликим винтиком и делать то, что многие тысячи других умных молодых людей могут делать как минимум не хуже тебя, а то и лучше, теперь-то, потому что как минимум самые молодые из них в глубине души еще верят, будто рождены для чего-то большего, центрального и релевантного, чем гонять витающих в облаках людей по абстрактным и фальшивым кокусам, и в то же время все еще верят, что они (=умные молодые люди) могут встряхнуть индустрию, проявить свой великий потенциал эффективности, стать самым

лучшим модератором Целевой Фокус-группы, какого только видели в «Команде Ду» и РШБ, – даже лучше, чем вообще возможно по результатам их вложенных тестирований, – с помощью явной искренности, принципиальности и плавной неформальной риторики, благодаря которым проявятся и засияют все самые особенные качества этих самых умных молодых людей, они установят с Фокус-группой связь и близость такого уровня, что люди в ЦФГ почувствуют – внутри этого особого заряженного поля отношений, созданного экстраординарным модератором, – интерес и энтузиазм по отношению к продукту и желанию РШБ вывести этот продукт на американский рынок самым эффективным способом, совпадающий с энтузиазмом самого агентства или даже превосходящий его. Или, может, даже сама возможность выразить эту детскую тоску кому-то другому кажется невероятной вне контекста святости истинного брака – брака не как церемонии и финансовой операции по слиянию, но как истинного союза душ, и Шмидту в последнее время кажется, что он начал понимать, почему давным-давно, еще во время его катехизисов до конфирмации, Церковь говорила именно о Великом Таинстве Брака, ведь теперь тот кажется не менее чудесным, трансрациональным и далеким от возможностей реальной живой жизни, чем распятие, воскрешение и пресуществление, – другими словами, не целью, которую надеешься когда-либо достичь, но некоей навигационной звездой, как у моряков в небе, чем-то высоким, неприкасаемым

и чудесно великолепным в том отдаленном смысле, что оно всегда напоминает, какой ты сам обычный, невеликолепный и неспособный на чудеса, – и это еще одна причина, почему Шмидт перестал смотреть на небо, гулять по вечерам или вообще даже обычно открывать светонепроницаемые шторы на панорамном окне в кондоминиуме, когда возвращался домой под вечер, вместо этого он сидел перед телевизором с пультом в левой руке, быстро щелкал с канала на канал, с канала на канал из страха, что внезапно на каком-нибудь другом из 220 обычных и премиальных каналов кабельного оператора начнется что-то получше, а он пропустит, и тра-тил так три вечерних часа, пока не приходило время устаться с колотящимся сердцем на телефон, где – совершенно без ее ведома – на быстром наборе стоял домашний номер Дарлин Лилли, так что потребовался бы лишь момент смелости рискнуть и показаться озабоченным или жутким, чтобы всего одним пальцем нажать всего одну серую кнопку и пригласить ее на один коктейль или даже просто любой безалкогольный напиток, где он мог бы снять свою социальную маску и раскрыть сердце, но Шмидт боялся и откладывал звонок еще на один вечер, и брел в ванную и/или в кремово-коричневую спальню, а там выкладывал на следующий день свежую рубашку с галстуком, произносил ежевечернюю декате и снова мастурбировал, пока не уснет. Шмидт переживал из-за того, как с каждым годом увеличивался его вес и процент жира в теле, и представлял, что его походка чем-

то напоминает рыхлого или женоподобного толстяка, тогда как на самом деле его шаг был на 100 % среднестатистическим и непримечательным и ни у кого, кроме Терри Шмидта, не было какого-то особенного мнения о его манере ходьбы. Иногда в этот последний квартал во время бритья по утрам с «Новостями WLS» и «Ток-радио» в интеркоме он замирал – Шмидт – и всматривался в лицо и незаметные морщины и мешки, которые как будто с каждым кварталом становились все больше выраженными, и называл себя – прямо в лицо в отражении – Мистером Пышкой, именем, незвано врывавшимся в разум, и так, несмотря на все попытки игнорировать или сопротивляться, название и логотип крупной дочерней организации стали темной частью его последних насмешек над собой же, так что теперь он думал о себе как о Мистере Пышке, а его собственное лицо и рыхлое, совершенно невинное лицо символа сливались в разуме в одно целое – грубое, рисованное и с какой-то лукавинкой: рисунок, в котором еще можно найти какую-то мелкую эгоистическую выгоду, но который невозможно любить, ненавидеть или вообще хотеть познать по-настоящему.

Некоторые из покупателей на первом этаже «Гэпа» заметили за витриной массу задравших головы людей на тротуаре и, естественно, заинтересовались происходящим. У основания восьмого этажа фигура аккуратно обернулась, чтобы сесть на карнизе лицом к улице, свесив двуцветные ноги. Она была в 72,5 метра над землей. Прямоугольник неба пря-

мо над ней был синего цвета запального факела. Растущая толпа, наблюдавшая за подъемом человека, не видела, что в свою очередь внутри магазина скапливается общество покупателей, наблюдающих за ними, потому что стекло витрины, которое изнутри казалось тонированным, снаружи было отражающим: одностороннее стекло. Теперь фигура на карнизе скрестила ноги в позе лотоса, замерла, а затем одним гибким движением вскинулась прямо, слегка потеряв равновесие и замахав руками, чтобы не опрокинуться с карниза. От толпы на тротуаре разнесся краткий групповой вздох, а фигура закинула голову в капюшоне и с одним тихим далеким влажным звуком примкнула присоску на затылке к окну. Пара молодых людей в толпе крикнули, чтобы фигура на восьмом этаже прыгала, но с самоироничной интонацией, так что было ясно: они просто пародируют типичный крик бесчувственных зевак перед фигурой, балансирующей на тонком карнизе в 73 метрах над ними на сильном ветру и глядящей на толпу далеко внизу. И все-таки один-два человека в летах метнули оптические молнии на кричавшую молодежь; было неясно, знают ли они вообще, что такое самопародия. Можно только представить реакцию работников офиса на восьмом этаже северного фасада здания – а в этом пространстве, как оказалось, находились отделы распространения и подписки журнала «Плейбой», – когда они увидели спину гибкой бело-голубой фигуры, прилепившейся к стеклу большой присоской на затылке. Первым полицию вызвал

как раз администратор «Гэпа» из отдела аксессуаров, но и то лишь потому, что толчея потребителей у витрины явно свидетельствовала о каком-то происшествии на улице; а поскольку природа этого происшествия оставалась неизвестной, ни один из рыскающих по городу телефургонов, прослушивающих полицейские частоты, не придал значения вызову, и место происшествия осталось свободным от СМИ на добрых 500 метров во всех направлениях.

Терри Шмидт по памяти рисовал для мужской Фокус-группы маленькое завихрение или поперечное течение, которое демомаркетологи называли МПП, – также известное как «Антитренд» или иногда «Теневой рынок». В области корпоративных снеков, – притворялся, что объясняет Шмидт, – для нового продукта есть два основных способа позиционирования на рынке США, где здоровье, фитнес, полезное питание и вытекающий из них конфликт «потакание слабостям / самодисциплина» достигли метастатического статуса. Теневой снек просто позиционировал себя против общего тренда на отказ от липопротеинов высокой плотности, рафинированных углеводов, трансжирных кислот – т. е. против употребления того, что некоторые подгруппы называли такими терминами, как пустые калории, сладости, джанк-фуд – или, иными словами, против великолепно срежиссированной одержимости полезными витаминами, упражнениями и управлением стрессом под демографической эгидой ЗОЖ. Шмидт говорил, что видит по лицам Фо-

кус-группы – чьи выражения варьировались от угрюмой рассеянности у младших до некоей старательной тревожности у старших, дополненной легким чувством вины из-за чувства вины, которое легендарный Э. Питер Фиш из «Шемм Холтер /Дейт» – гений, стоящий за акульими хрящами и заменителями чеснока без запаха, – назвал на дорогостоящем семинаре, куда ходили Скотт Лейлман и Дарлен Лилли, «...острием ножа, по которому приходится идти ЗОЖ-маркетингу» – этот неудачный оборот воспроизвел цифровой проектор «Хьюлетт-Паккард», высвечивающий тезисы Фиша прописными силуэтами на стене, чтобы способствовать эффективному конспектированию (какая же хрень эти профессиональные семинары со всеми их кожаными тетрадками, постановками задач и военной номенклатурой, был уверен Терри Шмидт, с их маркетингом трюизмов для маркетологов – которые, в конечном счете, наверное, были самым пластичным и податливым рынком в мире; впрочем, в то же время нельзя оспорить значимость самого Э. П. Фиша или весомость его мыслей), – Шмидт говорил, что по их лицам видит: мужчины прекрасно понимают, что такое Антитренд, что такое Теневые рынки вроде «Панк против Диско», «"Кадилаки" против легковых машин с большим пробегом», «"Сан" и "Эппл" против джаггернаута MS». Он говорил, что, если мужчинам хочется, можно подробнее поговорить о давлении на индивидуального потребителя, пойманного между природными богоданными стадными инстинкта-

ми и глубочайшим страхом пожертвовать своей природной богоданной индивидуальностью, и о том, как это давление изменяется и/или сглаживается благодаря мастерски разработанным трендам, и что но тогда, по маркетингологической версии третьего закона Ньютона, МПП-тренды порождали и свои собственные Антитрендовые Тени, внутреннее вращение, противоположное большому внешнему – в данном случае противоположное нежирному питанию с низким содержанием калорий, полезным добавкам, кофе с низким содержанием кофеина или без кофеина, «НутраСвиту» и «Оле-стре», «Джаззерсайзу», липосакциям и каве-каве, хорошему холестеролу против плохого, свободным радикалам против антиоксидантов, тайм-менеджменту и полезному досугу, а также действительно гениальному управляемому стрессу, который всем привили из-за необходимости оставаться в форме, выглядеть на пятерку, жить сто лет и выжимать абсолютно максимальную продуктивность, здоровье и самореализацию из каждой ускользающей секунды, – здесь Шмидт признает, что но, конечно, с другой стороны, он понимает, что у мужчин каждая секунда на счету, и он даже не думает... и здесь один, а то и два участника Фокус-группы постарше с наручными часами рефлексивно взглянули на них, а у перестилизованного НАМа по заблаговременному уговору сработал пейджер, что позволило Шмидту развести руками, изобразить смешок и уступить, что да, да, видите, каждая секунда на счету, что все они это чувствуют, что все

они знают, о чем он говорит, потому что как-никак все этим живут, верно, и сказать, что в таком случае, пожалуй, достаточно будет просто, например, произнести говорящие названия «Джолт Кола», «Старбакс», «Хааген-Дас», «Эриксон олл-баттер-фадж», элитные сигары, городские внедорожники с очевидно низким пробегом, шелковые боксеры от «Хаммахер Шлеммер», вся сеть питания в Нир-Норт-Сайд с ее высоколипидными десертами – другими словами, предприятия, которые процветали в перпендикулярной Тени, которые говорили или стремились сказать потребителю – из-за стадного давления вынужденного достигать, терпеть, затягивать пояс, урезать, дисциплинировать, приоритизировать, быть чутким и самостоятельным, – что «эй, ты же это заслужил, это твоя награда»; бренды, которые, по существу, говорили, что «в чем смысл долгой и здоровой жизни, если в ней нет тех редких драгоценных моментов, когда ставишь мир на паузу, откидываешься и упиваешься парой мгновений заработанного удовольствия?» и множество разных других питчей, нацеленных напомнить потребителю, что он в первую очередь индивидуальность, человек с индивидуальными вкусами, предпочтениями и свободой индивидуального выбора, что он не просто стадное животное, у которого нет выбора, кроме как бежать-бежать-бежать по беговой дорожке американской жизни с цифровым счетчиком калорий, что нельзя забывать об удовольствиях, насыщенных, изысканных и безобидных при ответственном употреблении, если

потребитель сможет вырваться из гипноза клетчатки и осознать, что от жизни надо получать еще и удовольствие, что жизнь без удовольствия не стоит того, чтобы ее прожить⁵, и проч. и проч. Что – просто в качестве примера – в то время как «Хостесс Инк.» выпускали «Твинкис» с низким содержанием жиров и «Динг-Донги» без холестерина, создатели «Джолт-Колы» привязали свой запуск на Западном побережье к противоположному слогану «Больше сахара, в два раза больше кофеина» и одновременно с этим акции компании «US Брендс», владеющей «Эриксон олл-баттер-фадж» и «Фаджис» с их индивидуальными порциями, взлетели в три раза благодаря серии роликов от «ДДБ Нидэм», где показывали людей в рабочей форме, те сталкивались друг с другом в темных кладовках, в которых втайне от всех хотели съесть ириски «Эриксон олл-баттер-фадж», и, когда взаимная пристыженность персонажей оканчивалась всеобщим смехом и товарищеским сплочением, на этом фоне шли гениальные и пикантные теглайны, обыгрывающие ситуацию. (Шмидт отлично знал, что «Ризмайер Шеннон Белт Эдв.» проиграла тендер «US Брендс / Эриксон» из-за зрелищного питча «ДДБ Нидэма» с полновесной Теневой стратегией, и потому видеозапись этих его реплик возденет по меньшей мере три брови в команде НПИР РШБ и вынудит Роберта Авада вести себя так, будто он думает, что Шмидт ничего не

⁵ Игра с цитатой Сократа «Жизнь неисследованная не стоит того, чтобы ее прожить».

знал о деле «Эриксон» / «ДДБ Нидэм», а потом он подойдет к кабинке Шмидта, едко смердя потом, обопрется о стенку и попытается, цитата, «посвятить Терри» в некоторые факты жизни и межкорпоративной политики, не уронив без нужды мораль Шмидта из-за мнимого прокола, и т. д.)

Не смотрел человек наверху и на них, видели самые пытливые зрители, – на самом деле он смотрел на себя и бережно извлекал из альпинистского пояса для инструментов блестящий сверток то ли из фольги, то ли из майлара и, аккуратно встряхнув, словно разворачивая полотенце, раскрыл его, а затем поднял обе руки, накинул поверх головы и капюшона и закрепил маленькими защелками или липучками на плечах и у низа горла. Это какая-то маска, высказал мнение длинноволосый велосипедист, который всегда носил в рюкзаке маленькую игрушечную подзорную трубу, хотя, за исключением двух отверстий для глаз и одного большого – для присоски на лбу, эта штука оставалась какой-то слишком мятой и опавшей, будто бы сдутой, чтобы разобрать, чьи конкретно черты должны представлять микротекстурированные линии на майларе, но даже на таком расстоянии маска казалась пугающей, мешковатой, гидроцефальной и карикатурно-нечеловеческой, а крики и восклицания уже стали громче и лишились прежней самоиронии, несколько членов наблюдающей толпы невольно отступили на улицу, затрудняя дорожное движение и вызывая краткую какофонию гудков, когда фигура положила обе руки на белый мешок на лице и с ка-

ким-то звуком влажного поцелуя от задней головной присоски исполнила полуоборот, в результате чего теперь оказалась лицом к окну и плотно прижималась к нему носом и губами обмякшей маски и ярко-оранжевой присоской на лбу – снова спровоцировав бог знает какую реакцию от штата сотрудников журнала «Плейбой» с обратной стороны стекла, – вслед за чем потянулась и извлекла из рюкзака что-то вроде маленького генератора или, может, водолазного баллона с тонким шлангом – либо черным, либо темно-синим и кончающимся странным патрубком, приспособлением или переходником в форме треугольника, наконечника стрелы или буквы «D», после чего подвесила баллон на ремнях и тросах к спине гортексового костюма и бросила темный шланг с патрубком безнадзорно болтаться над концентризированным задом и легинсами, так что, когда фигура продолжила свой мастерский подъем с окна восьмого этажа по методу противоположных рук и ног, теперь она уже обросла какой-то вялой наголовной маской или шаром, наспинным кислородным баллоном и откровенно демоническим хвостом и вообще представляла вид такой сложный и непохожий ни на что в визуальном опыте любого участника толпы (по-прежнему растущей и все более рассеянной – некоторые люди еще оставались на проезжей части и начали суетиться), что несколько мгновений царила мертвая тишина, пока индивидуальные неокортексы обрабатывали визуальную информацию и сканировали память в поисках какого-либо прецеден-

та, а может, комбинации живых или просто подвижных явлений, которые напоминала или предполагала эта фигура. Маленький ребенок в толпе заплакал, потому что ему отдавили ногу.

Теперь верхолаз куда менее походил на человека, и тем, как он карабкался вверх, сначала поднимая левую руку / правую ногу, а потом правую руку / левую ногу, еще больше напоминал арахнида или ящера; так или иначе, фигура по-прежнему оставалась чертовски гибкой. Некоторые из покупателей «Гэпа» уже вышли на улицу и присоединились к толпе на тротуаре. Фигура с легкостью покорила этажи с восьмого по двенадцатый, затем передохнула, прикрепившись к окну тринадцатого (или, возможно, внутренне считавшегося четырнадцатым) этажа, чтобы нанести на присоски какое-то клейкое или чистящее средство. Ветер на стотридцатиметровой высоте, наверное, был очень сильным, так как каудальный шланг бешено мотался во все стороны.

Также некоторые люди в передней части толпы, собравшейся на тротуаре и проезжей части, не могли удержаться и не взглянуть на свое собственное и коллективное отражение в витрине «Гэпа». Криков или восклицаний «Прыгай!» больше не слышалось, но среди самых молодых и сведущих в СМИ зрителей начались рассуждения о том, что это может быть каким-то пиар-трюком для рекламы продукта или услуги или что, возможно, верхолаз – кто-то из городских неконформистских сорвиголов, которые покоряли высот-

ки, а потом спускались с них на парашюте и сдавались полиции, посылая воздушные поцелуи в новостные камеры. Кто-то высказал мнение, что для подобного трюка ввиду большей высоты и видимости лучше подошли бы башня «Сирс» или даже Хэнкок-центр, если это вообще трюк. Первые две патрульные машины прибыли, когда фигура – к этому времени даже в игрушечной подзорной трубе она казалась совсем маленькой и почти целиком скрывалась из вида, преодолевая каждый новый карниз, – висела, закрепившись на лобной присоской у окна пятнадцатого этажа (или, возможно, шестнадцатого – в зависимости от того, был ли в здании тринадцатый этаж; в некоторых бывает, в некоторых нет), и как будто доставала из нейлонового рюкзака новые предметы, собирала их, потом раздвинула какое-то приспособление на длину руки, а затем присоединила к ней другие детали поменьше. Возможно, как раз из-за патрульных машин у обочины и их аляповатых маячков множество других машин на Гурон-ав. притормозили или даже остановились у обочины посмотреть, что произошло, убийство или арест, из-за чего одному офицеру пришлось посвятить все время регулировке движения, чтобы автомобили ехали дальше и не заблокировали улицу окончательно. Пожилая афроамериканка, которая одна из первых остановилась и взглянула наверх, теперь широкими жестами всех четырех конечностей давала показания или воссоздавала для полицейского все, что видела до этого момента, и между делом поинтересовалась, не

знает ли он, что это: может, подъем фигуры в странном костюме на самом деле лицензированный трюк для фильма, коммерческого телевидения или кабельного канала, и тогда некоторым другим зрителям пришло в голову, что восхождение гибкой фигуры, возможно, снимают с верхних этажей одного из соседних серийных небоскребов, и немало вероятно, что в высоком сером головокружительно флешированном старом здании, стоящем прямо напротив северного фасада д. 1101 по Вост. Гурон, прямо сейчас находятся камеры, кинобригады и/или знаменитости; и определенный процент зрителей из арьергарда толпы развернулся и задрал головы, чтобы оглядеть окна на южной стороне того здания, правда все окна были закрыты, но это ничего не значило, ведь, согласно городскому постановлению 920-1247(д), в постройках коммерческой зоны как владельцам, так и арендаторам запрещено устанавливать открываемые окна выше третьего этажа. Оставалось неясным, односторонним было стекло у старого здания напротив или нет, потому что угол полуденного солнца, теперь почти прямо зависшего в небесной щели над улицей, вызывал ослепительные блики в окнах этой древней высотки со шпилями, и некоторые из окон с яркими отражениями фокусировали и отбрасывали свет, похожий чуть ли не на лучи прожекторов, на поверхность изначального здания, где и теперь фигура в маске, с баком, хвостом и полуавтоматическим оружием или предметом, похожим на него, – ибо именно им он казался, эта сборная конструкция

из рюкзака, брошенная на спину субъекта под легким поперечным углом так, что разложенный приклад покоился на маленьком сине-белом баке для, предположительно, миниатюрного боевого противогаса или даже, хоспади спаси и сохрани, огнемета или прибуды по типу распылителя биохимического аэрозоля типа как у Клэнси, отпрапортовал офицер с казенным биноклем высокой кратности в рацию, каким-то образом прикрепленную на манер эполета к униформе, так что ему нужно было только склонить голову и коснуться левого плеча для контакта с другими офицерами, сирены чьих разогнавшихся сине-белых «Монтего» доносились, судя по звуку, от Университета Лойола, – продолжала карабкаться вверх, а именно на д. 1101 по Вост. Гурон, так что вокруг нее плавали квадраты, маленькие прямоугольники и параллелограммы света высокой интенсивности и подсвечивали окно шестнадцатого или семнадцатого этажа, по которому она и сейчас карабкалась с бесстрашной легкостью вместе с прикладом и сложным стволом как будто бы полностью автоматической M16, просунутым в пришитые на левом плече гортексового костюма петли, чтобы не затруднять движения левой руки с наладонной присоской во время подъема на окно, добравшись до которого фигура снова присела на карнизе, а длинный шланг приспособила под собой, так что всего пара его футов торчала между ног, неподатливо покачиваясь на ветру. Вокруг плескался отраженный свет. Стайка голубей или горлиц на карнизе смежного окна встревожилась и

встала на крыло, перелетела через улицу и перегруппировалась на карнизе противоположного здания ровно на той же самой высоте. Теперь фигура вроде бы извлекла из скалолазного пояса какую-то рацию, сотовый телефон или записывающее устройство и говорила с ним. Ни разу она не взглянула вниз и не обратила внимания на толпу, собравшуюся на тротуаре и проезжей части, на крики и поощрения, раздававшиеся с каждым преодоленным окном, или на полицейские машины, которые к этому времени припарковались по всей улице под разными углами, испуская сложный свет, тогда как еще две патрульные машины с боков заблокировали Вост. Гурон, встав на крупных перекрестках.

Прибыла машина ЧПД, высыпали пожарные в тяжелой форме и начали мельтешить без видимой цели. Также в округе до сих пор на глаза не попадались фургоны, оборудование или мобильные камеры СМИ, самым сведущим зрителям это казалось дополнительным подтверждением того, что восхождение может быть какой-то лицензированной и подготовленной заранее корпоративной промоакцией, трюком или уловкой. Последовали споры, в основном благодушно-го характера, но их вскоре пресекли несколько слушателей поблизости. Новый усиливающийся ветер на уровне земли принес запах жареной еды. Прибыла иностранная пара и начала продавать футболки с принтами, не имеющими ничего общего с происходящим. Наряд полиции и пожарных вошел с северного фасада 1101, чтобы занять позицию на крыше

здания, топоры и каски пожарных вызвали небольшую панику в «Гэпе» и пробку во вращающихся дверях здания, после чего один человек в солнечных очках «Оукли» осел на пол и схватился то ли за грудь, то ли за бок. Несколько человек в тылу толпы вскрикнули и показали на, по их словам, движение и/или блик объектива на крыше противоположного здания. По толпе разошлись контрспекуляции о том, что все это специально задумано как подражание медиатрюку и что оружие, которое фигура сейчас неудобно прижимала спиной к окну, настоящее, а смысл в том, чтобы забраться достаточно высоко, своим крайне эксцентричным видом привлечь толпу побольше и затем без разбора начать поливать ее огнем из автомата. Бесхозные автомобили на обочинах по обеим сторонам улицы теперь пестрели штрафами под дворниками на лобовом стекле. Из каньона или расщелины коммерческих строений вдоль улицы было слышно, но не видно вертолет. Теперь в небе над головой плыли один-два пальца перистых облаков. Некоторые зрители ели крендельки и сосиски, купленные у уличных торговцев, пока ветер хлестал их бумажными салфетками, заткнутыми за воротники. Один офицер держал мегафон, но, кажется, не мог его включить. Кто-то оступися с крутого бордюра и подвернул лодыжку или ногу; ему оказывал помощь санитар, пока пострадавший лежал на своем пальто и смотрел прямо вверх на маленькую фигурку, к этому времени вставшую на ноги и распластавшуюся под семнадцатым/восемнадцатым этажом, как будто остава-

ясь на месте, прикрепившись к окну в ожидании чего-то.

Отец Терри Шмидта служил в вооруженных силах США и в возрасте всего 21 года при исполнении получил звание офицера, а также «Пурпурное сердце» и «Бронзовую звезду», на гражданке больше всего на свете орденосный ветеран – это так и виделось по его лицу – любил полировать туфли и пуговицы на своих пяти пиджаках, чем и занимался каждый воскресный день, и безмятежная концентрация на его лице, когда он присаживался на газету с баночками, туфлями и замшевой тряпкой, стала важной и практически не поддающейся анализу частью в решимости юного Терри Шмидта когда-нибудь в будущем внести какой-то вклад в жизнь людей. Правда, не когда-то, а уже сейчас: время, естественно, пролетело незаметно, как поют во всех поп-песнях, и показало, что Шмидт-младший не такой уж особенный или привилегированный.

В последние два года «Команда Ду» стала функционировать как «Пойманная фирма», так это называлось в рекламной индустрии: с контрактной точки зрения она занимала место где-то между дочерней компанией «Ризмайер Шеннон Белт» и внешним подрядчиком. Под руководством Алана Бриттона «Команда Ду» влилась в общий тренд индустрии на подобную «Пойманную» консолидацию и более-менее перестроилась, став, по сути, научно-исследовательским бюро «Ризмайер Шеннон Белт Эдвертайзинг». Новый статус «Команды Ду» задумывался так, чтобы снизить бумаж-

ный оборот РШБ и максимизировать налоговые преимущества тестирований с помощью Фокус-групп, которые теперь можно было заносить на счет клиента и списывать как научно-исследовательские расходы по субподряду. Также «Команду Ду» (теперь компания, согласно § 1361–1379 НКС-ША, классифицировалась как находящаяся в собственности сотрудников корпорация с совместным налогообложением) ждали значительные зарплатные и льготные преимущества. Главный недостаток, с точки зрения Терри Шмидта, заключался в следующем: не было никаких механизмов для того, чтобы сотрудник «Пойманной фирмы» мог совершить горизонтальный переход в саму «Ризмайер Шеннон Белт», в чьем подразделении НПИР разрабатывались стратегии исследования рынка, тем самым кто-нибудь вроде Т. Э. Шмидта даже теоретически не имел возможности хоть как-то повлиять на проектирование и анализ исследований. В рамках «Команды Ду» единственным возможным направлением для Терри Шмидта была позиция Старшего директора отдела исследований, ныне занятая все тем же темным, лощеным, льстивым эмигрантом (с детьми в колледже и женой, которая, казалось, все время была готова разрыдаться), усложнившим профессиональную жизнь Дарлин Лилли в прошлом году; и, конечно, даже если «Команда» проголодает и вынудит Алана Бриттона сместить Роберта Авада и если потом (что, мягко говоря, маловероятно) оглушительно невыдающегося Терри Шмидта выберут и успешно пред-

ставят остальному высшему эшелону «Команды Ду» в качестве замены Авада, пост СДОИ на самом деле был не особо значительным, в обязанности Старшего директора входило только наблюдение за шестнадцатью полевыми исследователями-винтиками, вроде самого Шмидта, плюс проведение бессвязных презентаций для новых работников, плюс, конечно, контроль за переводом данных ЦФГ в статистически разнородные итоги, происходящим на коммерчески доступном оборудовании и не требующим ничего особенного сверх добавки четырехцветных графиков и огромного количества жаргона с избытком акронимов, чтобы исследование, которое провел бы любой компетентный десятиклассник, казалось запутанным и многозначительным. Хотя, конечно, еще были рабочие обеды, гольф и лесть нпировцам из РШБ, и полноценная трехчасовая презентация результатов полевых исследований в конференц-зале наверху – еще больше и дороже обставленном, – где Авад, его безмолвный и призрачно-худой аудиовизуальный техник и избранный член соответствующей полевой команды представляли цифры и графики и способствовали мозговому штурму нпировцев из РШБ и глав креативного отдела и маркетинга по прикладным применениям исследований для кампании, в которую на этой стадии РШБ уже инвестировало столько, что изменить в ней можно было только самые эфемерные или декоративные элементы. (Ни Шмидта, ни Дарлин Лилли ни разу не

выбирали в помощь Бобу Аваду на этих ПК⁶ – по причинам в случае Шмидта даже слишком очевидным.) То есть, другими словами, хотя никто не говорил об этом вслух, реальная функция «Команды Ду» – представлять «Ризмайер Шеннон Белт» те тест-данные, которые РШБ потом может извратить и представить Клиенту в качестве подтверждения здравости той самой ОКК⁷, за которую РШБ уже выставила Клиенту счет на миллионы долларов и которую не могла бы исправить, даже если бы тест-данные оказались отрезвляюще мрачными или малоперспективными, – и негласной работой «Команды Ду» было предотвращение именно такого нежелательного результата, ей она успешно занималась, просто выбирая столько разных Фокус-групп и фокусов, так барочно варьируя формат и контекст тестов и в стольких разных модальностях модерируя разные ЦФГ, что в итоге было проще простого избирательно взвесить и скомпоновать данные так, как только будет угодно подразделению НПИР РШБ, и потому в реальности «Команда Ду» находила не информацию или даже статистическую аппроксимацию информации, но скорее ее энтропическую противоположность – каскад случайного шума, предназначенного запудрить мозги фирме и ее Клиенту, чтобы все с облегчением выдохнули при отмашке для ОКК, причем в текущем случае сама «Мистер Пышка Компани» уже так серьезно инвестировала в кампанию,

⁶ = Презентации для Клиента.

⁷ = Общая концепция кампании.

что не смогла бы ее свернуть и, более того, даже отстранила бы РШБ, если бы тесты показали какие-то существенные проблемы, потому что в родительской компании «Мистера Пышки» утверждены очень строгие нормативные пропорции для затрат на научно-исследовательскую маркетинговую работу (= ЗНИМР) по отношению к объему выпуска (= ОВ) – пропорции, основанные на функции Кобба-Дугласа, где зна-

$$\frac{\text{ЗНИМР} (x)}{\text{ОВ} (x)}$$

чение должно после всех формальных под-

$$0 < \frac{\text{ЗНИМР} (x)}{\text{ОВ} (x)} < 1,$$

гонок и исправлений быть, – хрестоматийная формула, которую любой первогодник МВА обязан заучить наизусть в рамках курса «Статистика предприятия», где ее почти наверняка и узнал СЕО корпорации «Североамериканские мягкие кондитерские изделия», и с тех пор ничего не изменилось ни в нем, ни в одной из четырех крупных американских корпораций, что он возглавлял со времени получения диплома в Уортоне в 1968 году; нет-нет, менялись разве что жаргон, механизмы и приукрашенное рококо, с помощью которых все в этом огромном слепом перемалывающем механизме сговорились уверять друг друга, будто они могут понять, как дать платежеспособному потребителю то, в чем, по их вычислениям, его можно убедить, причем так, что он будет думать, что хочет этого

сам, при этом никто ни разу не мотал головой, чтобы прочистить мозги, и не заявлял, как абсурдно называть то, что они вытворяют, «сбором информации», и даже не сказал вслух – даже в компании полевых исследователей «Команды Ду» за пивом в «Бейер Маркет Пабе» на Вост. Огайо по пятницам, перед тем, как пойти домой и в одиночестве таращиться на телефон, – о том, что происходит, что все это значит или хотя бы простую правду. Что их вклад ничего не меняет. Вообще. Один Старший креативный директор РШБ с седым конским хвостиком зашел где-то в дорогую кафешку и заказал модный десерт в тот же день, когда делал заметки для сеанса мозгового штурма креативных директоров на тему, что бы запитчить ребятам из производственного отдела в дочерних «Североамериканских мягких кондитерских изделиях», и ему пришла в голову мысль, и паре-другой десятков поршней и шестерней, уже установленных в мудрых головах в РШБ и принадлежащем СМКИ «Мистере Пышке» и готовых к работе, нужна была именно эта одна-единственная искра страсти на основе $C_{12}H_{22}O_{11}$ от СКД, вся раздутая репутация которого строилась на давнишней концепции, приравнивающей туалетную бумагу к облакам, плюшевым мишкам с гелиевым голоском и прочим всевозможным невинным от дерьма образам в разуме какого-то абстрактного протопотребителя, чтобы запустить машину, уже не подвластную никому – и уж менее всех пышному мистеру Т. Э. Шмидту, забывшемуся настолько, что он чуть не начал ходить перед

мужчинами за конференц-столом и играть с опасной мыслью бросить этот запутанный фарс и просто сказать им правду.

Ничего удивительного, что маркетинг пирожного очевидно Теневого класса с высоким содержанием сахара и холестерина представил существенно больше вызовов, чем обычная кухня разработки и производства. Как и большинство Антитрендовых продуктов, «Преступление!» шло по тонкой грани между презрением потребителя к аскетическому давлению тренда ЗОЖ и чувством вины и беспокойства, которые инстинктивно ощущает любое животное, отбиваясь от стада, – и успешным Теневым продуктом считался тот, что сумел позиционировать и презентовать себя в таком свете, чтобы резонировать сразу с двумя этими внутренними потребностями, говорил модератор Фокус-группе, заключая слово «стадо» в интонационные кавычки, слегка меняя голос и выражение лица. Стыд, удовольствие и их тайный (буквально чуланный) альянс, достигшие идеальной пропорции в роликах «Эриксон»-ДДБН, стали этапным примером подобного многостороннего питча, говорил Терри Шмидт (снова поддевая Авада, при такой мысли от тайного пробирающего восторга подмывало проказливо подмигнуть детектору дыма), как и каламбур в брендовом названии «Джолт-Кола», где «джолт» – «удар тока» – предназначался и для нервной системы индивидуума, и для тирании разбавленных и невинных безалкогольных напитков в эпоху модной самоотверженности, как и, конечно, лицо-символ на каче-

ственной банке «Джолта», с выпученными косыми глазами, электрифицированными волосами и жуткой флуоресцентной бледностью серверной комнаты: ведь «Джолт» старался позиционировать себя как напиток для отдыха ботаников и задротов цифровой эпохи, одновременно признавая, пародируя и превознося компьютерного задрота в роли аватара индивидуального бунта.

Также Шмидт перенял у Дарлин Лилли один фирменный физический МРП при обращении к ЦФГ: иногда выставлять вперед одну ногу с весом на каблуке, слегка приподнимать ступню от пола и рассеянно вращать туда-сюда по оси X с упертым каблуком в качестве шарнира, что в случае Лилли было слегка эффективнее и привлекательнее, потому что бордовая туфелька с высоким каблуком представляла куда лучший шарнир, чем кордовский лофер кокосового цвета. Иногда Шмидту снилось, что он один из потребителей Фокус-группы, которую ведет Дарлин Лилли, и она скрещивает толстые лодыжки или вращает туфелькой девятого размера двойной ширины на высоком каблуке по оси X на полу, и снимает очки – с маленькой и овальной оправой из черепашьего панциря, – и держит их в своем МРП так, что одна деликатная дужка очков находится на очень близком расстоянии от губ, и весь сон Шмидт, и остальная Фокус-группа для безликого продукта, парящего на краю зрения, не отрываются от Дарлин, которая все-таки помещает дужку очков в губы, к чему подходит все ближе и ближе, даже как будто

не замечая, что делает или какой эффект оказывает на зрителей, и ощущение во сне такое, будто если она на самом деле поместит пластмассовую заушину в рот, то случится что-то очень важное и/или опасное, и после негласного фонового напряжения постоянного ожидания во сне Шмидт часто оставался без сил, когда просыпался и снова вспоминал, кто он и что он, раскрывая светонепроницаемые шторы.

Иногда наутро перед зеркалом над раковиной во время бритья Шмидт в роли Мистера П. изучал незаметные морщины, которые начинали проявляться и без смысла связывать разные бледные веснушки на лице, и уже видел перед мысленным взором предсказуемое будущее лица с глубокими морщинами, мешками и синяками под глазами, и представлял, как придется слегка изменить привычки бритья для 44-летних щек и подбородка, когда он будет стоять на том же самом месте десять лет спустя, осматривать бородавки и ногти, чистить зубы, изучать лицо и повторять одну и ту же рутинную подготовку для той же самой работы, которой он и так уже занимался восемь лет, и иногда переносил образ еще дальше в будущее и видел одряхлевшее лицо и разбухшее тело в коляске с пледом на коленях на фоне какого-то залитого солнцем пастельного фона, как он кашляет. И даже если что-то исчезающе маловероятное произойдет и Шмидта каким-то образом выделят на замену Роберту Аваду или любому другому СДОИ, единственной существенной разницей будет то, что он получит чуть большую долю от прибы-

ли «Команды Ду» после налогообложения и потому позволит себе кондоминиум покрасивее в месте поудобнее для ма-стурбации перед сном и больше всякой бутафории и поверх-ностных претензий действительно важного человека, только на самом деле он не будет важным – он внесет не более замет-ный вклад в общий порядок вещей, чем сейчас. Почти 35-летний Терри Шмидт практически избавился от иллюзии, что отличается от великого стада обывателей – даже своим отчаянием из-за того, что не может внести никакой реальный вклад, или великой жаждой встряхнуть мир, за что в трид-цать лет еще цеплялся как за свидетельство того, что, хотя по шкале грандиозных амбиций, по которой он сам себя судил, из него вышел неудачник, сама эта неудача тоже какая-то ис-ключительная и выше неудач обывателей – но больше нет, ведь теперь даже сама фраза «внести вклад» стала такой за-урядной банальщиной, что прозвучала в качестве мнемони-ческого тэглайна в низкобюджетной городской соцрекламе для НКО «Старшие братья / Старшие сестры» и «Юнайтед Вэй», где говорили «Внеси вклад в жизнь ребенка» и «Вне-си вклад в жизнь района» соответственно, причем «СБ/СС» даже приобрели телефонный эквивалент ВНЕ-СИ-ВКЛАД для номера горячей линии по набору добровольцев в обла-сти метрополии. А Шмидт – тогда только на грани тридцати-летия – загнал себя в классическую, как теперь ему было из-вестно, потребительскую иллюзию – а именно, что тэглайн и телефонный номер «СБ/СС» не совпадение, а знак, предна-

значенный почему-то конкретно для него, и позвонил, чтобы добровольно стать Старшим братом для мальчика возраста 11–15 лет без важных менторов-мужчин и/или положительных ролевых моделей в жизни, и с психологическим эквивалентом застывшей улыбки протерпел два трехчасовых мастер-класса и проверку, и первый мальчик, к которому его назначили Старшим братом, сидел в черной кожаной куртке со свисающей с плеч сзади бахромой и красным платком на голове на завалившемся крыльце своего низкодоходного домохозяйства с двумя другими мальчишками в таких же дорогих кожанках, и все три парня молча заскочили на заднее сиденье машины Шмидта, и тот, кто по снимку и душевраздирающему досье был безменторовым Младшим братом Шмидта, придвинулся и емко произнес название крупного торгового центра в Авроре в западном направлении за пределами городских границ, и, когда Шмидт довез их по кошмарному платному шоссе I-88 до самого центра и подчинился указаниям притормозить на обочине у главного входа, все три парня молча выскочили и вбежали внутрь, и после ожидания впустую на обочине больше трех часов – и после двух штрафных талонов на 40 долларов и предупреждения об эвакуации от сотрудника безопасности «Апекс Мегамолла», совершенно индифферентного к объяснениям Шмидта, что тот здесь в качестве Старшего брата и боится передвинуть машину из страха, что Младший брат выйдет, ожидая найти машину Шмидта ровно там, где они с друзьями ее

оставили, и получит травму, если окажется, что она исчезла точно так же, как все остальные взрослые мужские фигуры в истории его досье, – Шмидт отправился домой; и последующие телефонные звонки домой к Младшему брату остались без ответа. Второй мальчик 11–15 лет, к которому его назначили, ни разу не был дома, когда ментор Шмидт приезжал на назначенные встречи, а женщина, открывавшая дверь, – заявлявшая, что она мать мальчика, хотя была совсем не той расы, что мальчик на фотографии в досье, и во второй раз находившаяся под воздействием алкоголя, – сообщила, что не знала ни о встрече, ни о местонахождении мальчика, ни даже когда последний раз его видела, после чего Шмидт наконец признал иллюзорную суть своего потрясения из-за той городской соцрекламы, и – будучи уже 30 лет и потому старше, мудрее и черствее, – махнул на все рукой, вернувшись к обычной жизни.

В свободное время Терри Шмидт читал, смотрел спутниковое телевидение, коллекционировал редкие американские монеты, не бывшие в обращении, проводил дискриминантный анализ статистики ЦФГ на своем «Пауэрбуке» от «Эппл», работал в маленькой домашней лаборатории, оборудованной в кладовой кондоминиума, и ходил в быстром темпе по беговой дорожке в череде восемнадцати одинаковых дорожек на мезонинном этаже «КардиоОтдела» в спортзале франшизы «Балли Тотал Фитнес» к востоку от «Пруденшл-центра» на Мис-ван-дер-Роэ-вэй, где еще ино-

гда пользовался сауной. Предпочитающего для профессионального гардероба бежевый, ржавый и кокосовый оттенки, с мягкими и округлыми чертами лица, с рудиментарными веснушками, прической под горшок и улыбкой, которая всегда казалась измученной, даже когда была искренней, Терри Шмидта один из подпевал Скотта Р. Лейлмана в отделе технической обработки однажды назвал ожившей фотографией из школьного альбома 70-х. Нпировцы из агентства, с которыми Терри работал много лет, никак не могли запомнить его имя и всегда приветствовали с преувеличенным дружелюбием, чтобы скрыть этот факт. Культивировать рицин и ботулотоксин было почти одинаково легко. Вообще-то с ними в принципе довольно легко при условии, что вы в своей тарелке в лабораторном окружении и проявляете в процедурах должную бдительность. Сам же Шмидт подслушал, как некоторые другие молодые люди в отделе технической обработки называют Дарлин Лилли Лерчем или Германом и издеваются над ее ростом и физической солидностью, и возмутился так, что в самом деле едва-едва не обратился к ним напрямую.

41,6 % из тех, кого Шмидт ошибочно считал двенадцатью настоящими отобранными потребителями ЦФГ, позиционировались с классическими расширенными зрачками и блестящей бледностью слабого инсулинового шока, когда Шмидт объявил, что решил «в частном порядке довериться» мужчинам, после чего рассказал, что изначально для про-

дукта предлагалось торговое название «Дьяволы!» – когномен, задуманный как обозначить высокое содержание шоколада в составе, так и одновременно вызвать и спародировать ассоциации с пороком, порочным потаканием своим капризам, слабостью перед искушением и проч., – и что на разработку, отладку и целевое тестирование продукта в различных комбинациях красно-черных индивидуальных оберток с различными мультяшно-демоническими инкарнациями знакомого символа Мистера Пышки, позиционированного разбурявшимся, с тяжелым лбом и с бесовской, а не обаятельной ухмылкой, уже затратили значительные ресурсы, пока всю стратегию не похоронили негативные результаты тестов. Дарлин Лилли и Труды Кинер работали с несколькими из тех ранних Фокус-групп – которые, судя по всему, благодаря влиянию на координатора НП ИР РШБ какого-то внутриагентского политического врага того директора отдела креативных упаковок «Ризмайер Шеннон Белт», что предложил торговое название «Дьяволы!», набили под завязку потребителями с юга Иллинойса – региона, как слишком хорошо знал Терри Шмидт, по характеру склонявшегося к республиканцам и «библейскому поясу», – и, не углубляясь в медичивские козни и возмездие, которые стоили голов трем менеджерам РШБ среднего звена и привели как минимум к одной денежной шестизначной компенсации для предотвращения иска по НУ⁸ (причем, как думал сам

⁸ = Неправомерное увольнение.

Шмидт, позвякивая содержимым кармана и глядя, как его кордовская туфля медленно вращается с 10 часов на 2 и обратно, пока тонкослоистые облака в верхних слоях атмосферы над озером придавали солнечному свету жемчужный оттенок, буряющий в окне конференц-зала, это единственный действительно интересный момент во всей истории), соль в том, что совокупная реакция Групп на тэглайны с такими фразами, как «Порочно вкусно», «Демонический каприз» и «А вы как думали, почему это называется [красным шрифтом] Искушение?», а также на раскадровки для роликов, где затемненные силуэты в капюшонах с измененным голосом якобы исповедовались в том, что они обычные потребители и граждане высшего и среднего класса, которые втайне «поклонялись Дьяволу» в «тайных оргиях искушения», оказалась такой единообразно экстремальной, что показатели по Вкусу и Общему удовлетворению пирожными из ИПР и РРГ, проведенные до и после демонстрации тэглайнов и раскадровок, отличались разительно, так что после показательных казней в среднем звене и кокусов на самом высоком уровне были задуманы нынешние «Преступления!»® со слабыми пенитенциарными и потому ренегатными ассоциациями, не способными оскорбить абсолютно никого, кроме, может быть, антипреступных чудил и прослойки исправившихся заключенных. Тезис модератора заключался в том, что, пожалуйста, пусть никто из собравшихся сегодня не сомневается, будто их суждения, реакции и тяжелая оценочная рабо-

та, которую они уже провели и к которой вскоре приступят вновь как группа в критически важной фазе РРГ, не важны или не принимаются всерьез людьми из «Мистера Пышки».

Все еще не демонстрируя признаков избытка полипептидов в организме, лысеющий голубоглазый мужчина 30 лет, на чьем бейджике прописными буквами было написано «ХЭНК», таращился со своего места на ближайшем к Шмидту и доске углу конференц-стола то ли рассеянно, то ли пристально на саквояж Шмидта, сшитый из черного шагреневого синтетического кожзама и казавшийся заметно шире и ниже, чем чемодан или саквояж среднестатистического типа, почти напоминая докторскую сумку или дорогую сумку для инструментов компьютерного специалиста. Среди прочей периодики, на которую подписывался Шмидт, были «US ньюс & Уорлд репорт», «Нумизматик ньюс», «Эдвертайзинг эйдж» и ежеквартальный «Журнал прикладной статистики» – последний из них лежал в четырех стопках по три года в каждой и в таком виде поддерживал отшлифованную сосновую доску и натриевую рабочую лампу, которые служили лабораторным столом с различными сосудами, ретортами, пробирками, вакуумными банками, фильтрами и спиртовыми горелками бренда «Риз-Хэнди» в маленькой кладовой в кондоминиуме Шмидта, отделенной от кухни складной дверью из жалюзийного эмалевого сплава. Ричин и его близкий родственник абрин – мощные фитотоксины, получаемые из касторовых и лакричных бобов соответ-

ственно, эти растения с привлекательными цветами приобретаются у большинства коммерческих флористов и требуют всего три месяца культивации, чтобы созрели бобы в форме лимской фасоли либо алого, либо блестящего коричневого цвета, которые исторически – когда Шмидт узнал об этом во время аккуратных исследований, то снова почувствовал то потустороннее ощущение в духе «Старших братьев / Старших сестер», – иногда применялись средневековыми флагеллянтами для изготовления четок. Каستоровые бобы необходимо очистить от шелухи, отмочив 30–120 грамм бобов в 350–1000 мл дистиллированной воды с 4–6 столовыми ложками NaOH или 6–8 ст. л. бытовой щелочи (здесь природная плавучесть бобов требует предварительно положить их в презерватив «Троян» с грузилом из стеклянных шариков, стерилизованного гравия или монет низкого номинала). После часа отмокания бобы можно вынуть из раствора, просушить и осторожно отшелушить в качественных хирургических перчатках. (Примечание: обычные резиновые домашние перчатки слишком плотные и неудобные для шелушения касторовых бобов.) Пошаговые инструкции хранятся у Шмидта на жестком диске и на бэкап-дисках домашнего компьютера от «Эппл» с батареей с трехчасовым зарядом, который можно установить прямо на сосновом верстаке, чтобы вести очень точный экспериментальный дневник с указанием времени – это один из абсолютно базовых принципов правильной лабораторной процедуры. Затем измель-

чите лущенные бобы плюс коммерческий ацетон в соотношении 1:4 в блендере, режим «Пюре». От блендера после использования следует избавиться. Налейте касторово-ацетонную смесь в стерильную банку с крышкой и оставьте отстояться на 72–96 часов. Затем установите прочный бытовой кофейный фильтр на вторую такую же банку и медленно и аккуратно влейте смесь через фильтр. Вы не декантируете; здесь вам нужен кек. В двух парах хирургических перчаток и как минимум двух стандартных бытовых респираторах с помощью ручного давления выжмите как можно больше ацетона из осадочной пышки на фильтре. Надавите, насколько позволяет должная осторожность. Взвесьте остатки содержимого фильтра и поместите в третью стерильную банку вместе с четырьмя частями CH_3COCH_3 . Повторите отстаивание, фильтрацию и мануальный процесс выжимания 3–5 раз. Осадок по завершении процедур будет почти чистым рицином, 0,04 грамма которого смертельны при прямой инъекции (отметьте, что для смертельного исхода в случае орального употребления требуется 9,5–12-кратное превышение этой дозы). Чтобы перенести раствор 0,4 мг рицина в стандартный гиподермический инъектор тонкого диаметра, доступный во всех хороших аптеках в разделе «Средства для диабета», необходимы физраствор или дистиллированная вода. Через 24–36 часов после попадания рицина в организм проявляются первые симптомы в виде сильной тошноты, рвоты, дезориентации и цианоза. Смертельная фибрил-

ляция желудочков и сосудистый коллапс наступают в течение двенадцати часов. Отметьте, что точные концентрации ниже 1,5 мг не поддаются определению с помощью стандартных криминологических реагентов.

Уже несколько человек в толпе и полиции изначально использовали слова «мерзко», «омерзительно» и/или «неприлично», когда дельтовидный патрубок баллона был присоединен к протуберанцу в центре бело-голубого рисунка мишени на заду фигуры. Все эти выражения неприязни стихли, когда началось надувание. Сперва распухли низ, живот и бедра, отрывая фигуру от окна и слегка выгибая из-за принайтованной присоски. Воздухонепроницаемая лайкра округлилась и залоснилась. Длинноволосый человек на декседрине погладил тонкую заднюю камеру велосипеда и сообщил молодой девушке, которой одолжил телескоп, что с самого начала знал, что это (предположительно, имея в виду маленькие протуберанцы) такое. Через клапан на одном плече надулась левая рука, на другом – правая и т. д., пока весь костюм фигуры не стал большим, бульбообразным и мультяшно-тестовидным. Однако от толпы не следовало внятной реакции, пока благодаря движениям почти самоубийственного вида по вставке патрубка в висок не стала наполняться мешковатая маска на голове и мятый белый майлар фигуры сперва слегка провис с левой стороны, но по мере наполнения газом начал подниматься, а набор беспорядочных линий на лице – округляться и проступать в виде того, что

вызвало у 400+ американских взрослых граждан на уровне земной поверхности громкие крики узнавания и почти детский восторг.

...И что теперь, говорил Шмидт Фокус-группе, пришла – вряд ли, ко всеобщему разочарованию, сказал он с тонкой измученной улыбкой, – что теперь пришла пора выбрать представителя, а самому Шмидту удалиться и позволить избирателям в Фокус-группе посовещаться в темнеющем конференц-зале, сравнить индивидуальные реакции и мнения о Вкусе, Текстуре и Общем удовлетворении от «Преступлений!» и теперь попытаться выставить оным согласованный рейтинг РРГ. В некоторых фантазиях, где они с Дарлин Лилли вступали в половые сношения на конференц-столах фирм, Шмидт ловил себя на том, что повторял в ритм встряхивающим движениям коитуса «Спасибо, о, спасибо» и не мог замолчать, и не мог не видеть непонимающее, а затем неприязненное выражение на лице Дарлин Лилли из-за ритмичного «О боже, спасибо», даже хотя ее очки затуманились, а подошвы кроссовок оглушительно колотили по поверхности стола, и иногда это почти портило всю фантазию. Если по прошествии времени и достаточных дискуссий Фокус-группа, случаем, по какой-либо причине обнаружит, что не может сойтись на определенной конкретной цифре, выражающей истинные чувства всей группы, говорил Шмидт (теперь уже трое из мужчин даже положили головы на стол, включая сверхэксцентричного НАМа, вдоба-

вок испускавшего тихие стоны, и Шмидт решил, что даст этому человеку в характеристике НАМов, которую обязаны заполнять все модераторы «Команды Ду» в конце исследовательского цикла, очень низкую Оценку производительности), тогда он попросит Фокус-группу просто подать два отдельных Резюме реакции группы со всеми цифрами, по которым смогут условиться противоборствующие лагеря в Фокус-группе, – в тестировании ЦФГ не бывает так, что жюри присяжных заходит в тупик, сказал Шмидт с улыбкой, которая, как он надеялся, не покажется застывшей или измученной, – и что если даже разбиться на две таких подгруппы покажется неосуществимым ввиду того, что один или более мужчин за столом решат, будто цифры ни одной подгруппы не отражают их собственные индивидуальные ощущения и предпочтения адекватно, то, что ж, если потребуется, нужно заполнить три отдельных РРГ, или четыре, и так далее – но, пожалуйста, держите в уме, что «Команда Ду», «Ризмайер Шеннон Белт» и «Мистер Пышка Ко» просят по возможности самое низкое число отдельных реакций РРГ, какое только может выдать интеллигентная группа разборчивых современных потребителей. На самом деле у Шмидта в манильском конверте, который он теперь драматически поднял вверх при словах о бланках для РРГ, лежали целых тринадцать отдельных пакетов с РРГ, но один пакет он из папки убрал, ведь не было смысла активно поощрять Фокус-группу к атомизации и необъединению. Фантазия, конечно, бы-

ла бы на порядки лучше, если бы это Дарлин Лилли охала «Спасибо, спасибо» в ритм сырому шуршащему шлепанью, и Шмидту самому это было хорошо известно, как и его явная неспособность настоять на своих предпочтениях даже в фантазии. Потому он задумывался, есть ли у него вообще то, что по традиции зовется Свободой воли, в глубине души. Только двое из пятнадцати мужчин в помещении заметили, что до конференц-зала уже какое-то время не доносился намек на далекий внешний шум, заглушенный окном; ни тот ни другой не были настоящими тестовыми субъектами. Также Шмидт знал, что к этому времени – вступительная презентация на данный момент длилась 23 минуты, но, как всегда, казалось, что больше, и томящиеся лица даже самых прямо сидящих и толерантных к инсулину участников обозначали, что они тоже проголодались, устали и наверняка думали, что этот предварительный бэкграунд занимает угнетающе много времени (тогда как на самом деле Роберт Авад недвусмысленно дал Шмидту понять, что Алан Бриттон разрешил потратить до 32 минут на мнимую экспериментальную презентацию полного доступа для ЦФГ, и добавил, что одной из причин, почему он [т. е. Р. Авад] выбрал для моделирования РРГ-фазы, в кавычках, экспериментальной ЦФГ Шмидта, стала репутация Терри по сравнительной емкости и плавному предотвращению отвлекающих вопросов и излишней суеты), – также Шмидт знал, что к этому времени Фокус-группа Дарлин Лилли уже давно in camera и погрузилась

в собственный РРГ-кокус и что Дарлин, следовательно, вернулась в комнату отдыха отдела исследований РШБ наскоро согреть чашечку чая «Липтон» в микроволновке, сняла, как она любила говорить, свои «взрослые» туфли и – пока одна, возможно, лежит на бордовом боку – присела с чемоданом и сумочкой рядом с удобным креслом напротив разбитого на четыре части экрана, и в этот момент Дарлин стоит лицом к микроволновке и широкой спиной – к дверям, так что Шмидту на подходе к комнате отдыха придется громко вздохнуть, кашлянуть или позвенеть ключами, чтобы она не подскочила и не прижала ладонь к оборкам спереди блузки из-за того, что он «так [к ней] подкрался», как она однажды уже его обвиняла во время шестимесячного периода, когда СДОИ Авад действительно все время скрытно подкрадывался к ней со спины и как у нее, так и у всех остальных, нервы были по понятным причинам натянуты до предела. Затем Шмидт быстро нальет чашку крепкого горького кофе и присоединится в ряду мягких кресел за экраном к Дарлин Лилли и двум другим полевым исследователям из сегодняшнего так называемого экспериментального проекта, а может быть, и одному-двум молчаливым и очень напряженным интернам в отделе исследований рынка РШБ, – Шмидт по соседству с Лилли и в тени ее очень высокой прически, – а Рон Маунс, как всегда, достанет пачку сигарет, и Труды Кинер рассмеется над тем, как Маунс всегда изображал, что отчаянно выдергивает сигарету из пачки и закуривает дрожащей рукой, и

из-за того, что ни Шмидт, ни Дарлин Лилли не курили (Дарлин выросла в доме с курильщиками и теперь на всю жизнь осталась с аллергией), их позы сойдутся в легком альянсе, когда они оба слегка отклонятся от дыма. Однажды Шмидт, сидя в кресле, тяжело проглотил комок и поднял с Маунсом вопрос курения, галантно выставив аллергию своей собственной, но РШБ оборудовали комнату отдыха и пепельницами, и вытяжками, а до задних служебных дверей «Гэпа» на маленький мощный дворик, где собирались покурить на перерывах люди без частных офисов, было восемнадцать этажей и 100 ярдов, так что этот вопрос трудно было продать, не показавшись либо воинственным чудиком, либо человеком, разыгрывающим покровительственное рыцарство ради Дарлин, которая часто скрещивала ноги в стиле лодыжка-на-колени и массировала плюсну обеими ладонями, наблюдая за приватными размышлениями своей Фокус-группы, пока Шмидт пытался сосредоточиться на собственной ЦФГ. Почти не говорили; четверо модераторов технически оставались на посту и были готовы в любой момент вернуться в конференц-зал, если на экране представитель их соответственной группы встанет, чтобы пойти и нажать кнопку, которая, как говорили Группам, активирует желтый сигнальный огонек.

Начальник «Команды Ду» Алан Бриттон, магистр наук и бакалавр права, – человек, над которым, сразу видно, никогда не издевались, – был огромным и физически внуши-

тельным мужчиной, приблизительно 2 м в каждом направлении, с большой гладкой блестящей овальной головой, ровно в центре которой располагались чрезвычайно близко посаженные черты лица в неуязвимо веселом выражении чело- века, вносившего заметный вклад везде, где побывал.

В плане администрирования препарата, конечно, остава- лась многосложная проблема вкуса и/или текстуры. Ричин, как и большинство фитотоксинов, чрезвычайно горький, а это означало, что требуемые 0,4 мг нужно подготовить для употребления в чрезвычайно разбавленной форме. Но рас- твор казался еще более неудобоваримым, чем сам ричин: дистиллированная вода, впрыснутая через тонкую обертку в эллипс помадки 26 × 13 мм в полем центре «Преступле- ния!», образовывала влажную едкую сердцевинку, чей кон- траст с растворяющейся начинкой и ее высоким содержа- нием липидов откровенно кричал о подлоге. Инъекция во внешний влажный корж без муки превращала целую область размером с четвертак со Свободой с распущенными воло- сами 1916 года в слякоть со вкусом мальтита. Ранней пер- спективной альтернативой было ввести от шести до восьми очень маленьких доз в разные места «Преступления!» и на- деяться, что субъект съест все пирожное или большую его часть (как «Твинкис» и «Шокодилы», «Преступления!» за- думывались с расчетом на прототипичный формат в три уку- са, но также достаточно легкими и растворимыми в слюне, чтобы амбициозный потребитель мог целиком вместить ла-

комство в рот с предсказуемо лестными последствиями для ИНУП⁹ и конкомитантных объемов продаж), прежде чем заметит неладное. Здесь проблема была в том, что с каждой инъекцией, даже гиподермической иглой тонкого диаметра, в хлипкой трансполимерной обертке оставался прокол диаметром в 0,012 мм (в среднем), и при тестах в домашних условиях с пирожными в индивидуальных упаковках при среднестатистическом уровне влажности Среднего Запада – Новой Англии эти проколы вызывали локализованную черствость/иссушение в пределах 48–72 часов хранения. (Как и все продукты «Мистера Пышки», «Преступления!» по замыслу должны быть осязаемо влажными и вступать в реакцию со слюнным птialiном так, чтобы буквально «таять во рту», – еще в самых ранних полевых тестах было установлено, что эти качества ассоциируются и со свежестью, и с люксом – почти чувственным искушением)¹⁰. Та-

⁹ = Интервалы неоднократного употребления продукта.

¹⁰ Рвотный протез состоял из маленького полиуретанового пакета, приклеенного под мышкой, и трубки из обычной прозрачной пластмассы, обтекающей левую лопатку и выходящей из высокого воротника через маленькое отверстие прямо под моим подбородком. Содержимым пакета были шесть пирожных, смешанных с минеральной водой и настоящей рвотой, собранной первым делом поутру благодаря безрецептурному рвотному средству. Батарейка и вакуум пакета были подготовлены для одного выброса в большом объеме и двух-трех последующих выплесков и ручейков размером поменьше; они активировались кнопкой на моих часах. На самом деле вещество будет выходить не изо рта, но можно быть уверенным, что никто не станет присматриваться в поисках источника; автоматическая реакция людей – не смотреть. К моим очкам подключался чистый наушник передатчика на волне ЧПД. Время миссии на экране показывало 24:31 и

ким образом, более практичным представлялся экзотоксин ботулотоксина – как безвкусный, так и летальный в 97 % случаев при дозе в 0,00003 г, – хотя, поскольку источник у него анаэробный, его нужно вводить в самый центр внутренней начинки продукта, и даже микроскопический пузырек воздуха, оставленный при извлечении гиподермической иглы, начнет пагубное воздействие на вещество и для предсказуемого результата потребует употребления в пределах недели. Вывести анаэробный сапрофит *Clostridium botulinum* просто – требуется только герметичная банка для заготовления консервов, куда следует поместить 50–80 грамм свекольного пюре бренда «Тетя Нелли», 30–50 грамм обычной говяжьей отбивной, две столовые ложки свежего дерна из-под зловонных сосновых щепок вокруг саженцев с шаровидной кроной, обрамляющих претенциозные ворота парадного въезда в «Кондоминиумы Брайархэвен», и обычная водопроводная вода (подойдет и хлорированная) в таком количестве, чтобы заполнить банку до самых краев. Это единственное строгое условие: до самых краев. Если мениск воды дойдет до самых краев с резьбой, а крышка банки плотно закрыта и очень крепко закручена с помощью тисков и пассатижей «Сирс Крафтсмен», чтобы в банке оставалось ровно 0,0 % O_2 , то через десять дней на верхней полке в темной кладовой крышка банки умеренно вспучится, и если вы, соблюдая

обновлялось, но презентация казалась куда длинней. Нам всем уже не терпелось приступить к делу.

крайнюю осторожность, снимите крышку в двойных перчатках и двойном респираторе, то увидите маленькую коричневатую колонию *Clostridium*, омытую зеленовато-коричневой пенумброй экзотоксина ботулотоксина – т. е., выражаясь деликатно, побочного продукта пищеварительного процесса плесени, – и его можно извлекать в очень маленьких количествах той же гиподермической иглой, которой администрируется доза. Еще у ботулотоксина есть то преимущество, что он переведет внимание от вмешательства в продукт на дефекты производства и/или упаковки, тем, конечно, только сильнее встряхнув индустрию.

Настоящий принцип проведения полевого исследования, из-за которого какие-то ЦФГ заполняют только ИПР, а какие-то дополнительно собираются группами присяжных, чтобы выдать РРГ, – это позволить «Команде Ду» предоставить «Ризмайер Шеннон Белт» два разных и статистически полноценных набора данных исследований рынка, тем самым позволив РШБ выбрать и предъявить те данные, что лучше подкрепляют исследовательские результаты, которые, по их уверенности, больше хотят видеть в «Мистере Пышке» и СМКИ. Шмидту, Дарлин Лилли и Труди Кинер негласно дали понять, что тот же принцип лежит в основе экспериментального разделения сегодняшних жюри ЦФГ на так называемые группы «полного доступа» и «без доступа», где первым сообщалась, как им говорилось, особая закулисная информация о происхождении, производстве и маркетинговых це-

лях продукта, – т. е. вносит ли в итоге ретрокулисный доступ к маркетинговой подоплеке существенный вклад в средние РРГ Фокус-групп или нет, «Команда Ду» и РШБ просто хотели видеть разные информационные поля, чтобы манипулировать скользкими гипергеометрическими статистическими техниками так, как, по их уверенности, пойдет Клиенту на пользу. В комнате отдыха только А. Рональду Маунсу, магистру наук, – он же личный протеже Роберта Авада и вероятный наследник, а также его крот среди полевых исследователей, чьи разговоры у кулера Маунс дистиллирует и доставляет с помощью особых бланков № 0302 «Полевые жалобы и мораль», которыми искренний молодой административный ассистент Авада снабжает Маунса в тех же манильских конвертах, в каких полевым командам распределяются сегодняшние пакеты ИПР и РРГ, – только Маунсу доверили наедине, что нетрадиционная задумка с «полным доступом» и «без доступа» для ЦФГ «Мистера Пышки» на самом деле часть большого полевого эксперимента, который Алан Бриттон и тайный внутренний круг из верхов «Команды Ду» (данный круг зарегистрирован Бриттоном как личная холдинговая компания по § 543 под липовым названием «Ду² Партнеры») проводят для собственного кулуарного исследования по возможной роли ЦФГ в еще более сложных и самоосознанных маркетинговых стратегиях в будущем. Основная идея, как посчитал нужным объяснить Маунсу его ментор Роберт Авад на новом авадовском катамаране одним

июньским днем во время штиля, когда они дрейфовали в четырех морских милях от частных пирсов пляжа Монроуз-Уилсон, заключалась в том, что развивающийся американский потребитель стал более сведущим и разборчивым в СМИ, маркетинге и позиционировании продукта, – это внезапное озарение о современном мышлении среднестатистического индивидуального потребителя, как объяснил Авад, однажды настигло его в сауне оздоровительного клуба после гандбола, когда патентный поверенный, которого он только что решительно разбил, расхваливал кампанию «А. К. Ромни-Джесвата» для новых газированных напитков «Сёрдж», чью узконаправленную рекламу в этом квартале не видел по всей области метрополии только слепой, и отметил (голый и потеющий патентный поверенный¹¹), что ему – видимо, поскольку он далеко выпадал из заданной демографии (даже используя слово «демография») кампании вроде «Сёрджа», – настолько интересна и доставляет столько удовольствия вся эта современная реклама для молодежи с рваными гитарными риффами, эпитетами типа «чувак» и прочей идеологией «бунта-через-потребление», что он поймал себя на том, как, хотя и любительски, вчуже анализировал стратегию и подачу рекламы и наслаждался ею больше как произведением искусства или деликатесом, чем как просто ре-

¹¹ (который на самом деле, чего не знал Авад, был старым другом и сообщником Алана Бриттона по ограниченному партнерству еще с самых золотых дней ухода от налогов на пассивный доход в прошлом десятилетии)

кламой, а затем небрежно деконструировал (т. е. поверенный, прямо в сауне, в одних только стрингах в облипку и в по-сикхски обернутом на голове полотенце, со слов Авада) стратегии и вероятные цели кампании «Сёрдж» с такой проникательностью, что почти будто сидел в одной комнате на мозговых штурмах и стратегических совещаниях НПИР «А. К. Ромни-Джесвата» с «Командой Ду», которая – как, Маунсу, конечно, известно, – проводила для АКР-Д / «Кока-Колы» кое-какую начальную работу с Фокус-группами по «Сёрджу» шесть кварталов назад, еще до своей постепенной эмиграции в РШБ в роли «Пойманной фирмы». Авад – чьи знания об управлении малыми суднами основывались на руководстве, которым он теперь пользовался как веслом, – сообщил Маунсу, что суть идеи касалась того, что в индустрии известно как Нарративная (или «Сюжетная») кампания, и концепции помещения самих стратегий и тягот маркетингологов с новым продуктом в основной Сюжет этого продукта – как в исторических примерах с леденцами местной чикагской «Киблер Инк.», которые производились эльфами в полом дереве, или с тем, что консервированные и мороженные овощи бренда «Зеленый великан» от «Пилсбери» растил в одноименной долине настоящий великан, – но теперь с добавкой сюжетного твиста или зацепки в виде, скажем для примера, рекламы новой линейки «Преступления!» от «Мистера Пышки» как катастрофически дорогостоящего и трудозатратного ультраделикатесного пирожного, и его при-

ходилось продвигать на рынок взмыленным легионам очкастых рекламщиков в ежовых рукавицах, скажем, тиранического СЕО в образе этакого муллы, так лично обожавшего шоколад класса люкс, что вознамерился продвинуть «Преступления!» на рынок США при любых прогнозах затрат или продаж, и потому (в Сюжете предполагаемой кампании) агентам «Мистера Пышки» пришлось заставить «Команду Ду» манипулировать и умасливать Фокус-группы, чтобы они предоставили те самые, в кавычках, «объективные» статистические данные, каких не хватало для зеленого света проекту и доставки «Преступлений!» на полки, – все это, другими словами, составляет тот самый рамочный и лукавый псевдозакулисный Сюжет, предназначенный, чтобы апеллировать к самовыдуманной сведущести в маркетинговых тактиках и «объективных» данных городских и молодых потребителей и польстить их чувству, будто в эту эпоху мета-статических подходов, трендов и полной коммерциализации всего и вся они остаются беспрецедентно сведущими в рекламе, разборчивыми, благоразумными и не поддающимися никаким этим вашим манипуляциям какой бы то ни было умной мультимиллионной маркетинговой кампании. На второй квартал 1995 года это довольно смелый и нетрадиционный рекламный концепт, скромно признался Авад под вопли восхищения и удовольствия от Рона Маунса, когда тот (Маунс) выкинул очередную сигарету за борт катамарана вечно шипеть и болтаться вместо того, чтобы утонуть; и да-

лее Авад признался, что, очевидно, сперва нужно провести и проанализировать огромные объемы исследований по всяким гипергеометрическим методам под очень аккуратным контролем, прежде чем даже думать о возможности, например, покинуть корабль и открыть собственное агентство «Р. Авад & Подчиненные», и запитчить эту идею разным дальновидным компаниям – вполне многообещающим рынком кажутся некоторые новые стартапы в американском интернете с молодым и самонареченно ренегатским менеджментом, – да, разным предусмотрительным компаниям, жаждущим свежего, провокативного, близкого к цинизму корпоративного образа, примерно как «Субару» в прошлом десятилетии или еще, например, «Фед Экс» и «Вендис» в эпоху, когда откуда ни возмись явилась местная команда Седельмайера и подмяла всю индустрию. Тогда как в действительности ни одно слово из речи, ради которой ментор вывез Маунса на четыре мили от берега, чтобы нашептать на розовое ушко, не было ни истинным, ни вообще в любом смысле реальным, кроме как только в условленном фальшивом нарративе, среди прочего подкинутого избранным СДОИ и полевым исследователям «Команды Ду» для контроля истинно реального полевого эксперимента, о чем Скотту Р. Лейлману и Алану Бриттону (на самом деле не было никакой созданной по § 543 «Ду² Партнеры»; этот вымысел входил в фальшивый нарратив, который Бриттон подкинул Бобу Аваду, кого без его [= Авада] ведома уже постепенно выдавливали в

пользу миссис Лилли – по словам Лейлмана, волшебницы и в «Систат», и в HTML, к кому [= Дарлин Лилли] Бриттон приглядывался с тех самых пор, как отправил Авада с тайными инструкциями вести себя так, чтобы протестировать слабые места в морали полевой команды, а девчонка в ответ проявила в обезвреживании авадовских стрессоров экстраординарную комбинацию личного стержня и политического апломба) и но да, полевого эксперимента, о чем Лейлману с его ментором Бриттоном рассказал такой нешуточный персонаж, как сам Т. Корделл (Тед) Белт, и который был задуман, чтобы получить данные о пути(ях), какими прописные истины о целях исследования рынка влияют на манеру полевых исследователей модерировать фазу РРГ Целевых Фокус-групп и таким образом меняют материальный результат размышлений ЦФГ in camera и РРГ. Этот внутренний эксперимент был второй стадией кампании – как позже Бриттон рассказывал Лейлману за сигарами почти цеппелинского размера в своем внутреннем кабинете, – задуманной наконец после стольких лет подвести американские исследования рынка под реалии современной точной науки, уже давно доказавшей: наличие наблюдателя влияет на процесс и, следовательно, очевидный вывод – даже крошечные, самые эфемерные детали подготовки полевого теста могут перетряхнуть все итоговые данные. Главной целью было устранить из полевых тестов все ненужные случайные переменные и, конечно, по самому простому принципу управленче-

ской «бритвы Оккама» это означало избавиться, насколько возможно, от человеческого фактора, причем самый очевидный фактор здесь – модераторы ЦФГ, а именно очастые взмыленные полевые исследователи «Команды Ду», которые теперь, с наступлением цифровой эпохи изобилия данных по всем предпочтениям и паттернам рынков, доступным благодаря киберкоммерческим связям, скоро все равно устареют (полевые исследователи), сказал Алан Бриттон. Страстный и убедительный ритор, Бриттон любил во время речи чертить в воздухе невидимые иллюстрации светящимся кончиком сигары. В представлении Скотта Лейлмана Алан Бриттон ассоциировался с гигантским макадамским орехом с нарисованным на нём крошечным личиком. Лейлман неслестно пародировал речь и жестикуляцию Бриттона для некоторых парней в отделе технической обработки, когда знал, что мистера Би рядом нет. Потому что скоро все данные будет щелкать как орешки компьютерная сеть – чего, уверен Бриттон, Лейлману внушать не надо. Скотт Лейлман даже не очень-то любил сигары. Т. е. вся эта наступающая тема с www-точка-слэш-гиперкиберкоммерцией, по которой уже проводились бесчисленные профессиональные семинары и которой дико восторгаются маркетинговая, рекламная и все сопутствующие индустрии США. Но где большинство агентств по-прежнему первично видели в наступающих www просто новый, пятый канал¹² для высокоэффективной рекламы, «Риз-

¹² (каналами 1–4 исторически считаются телевидение, радио, пресса и внешняя

майер Шеннон Белт» дальновидно планирует встряхнуть наступающую эпоху, эксплуатируя ошеломительный исследовательский потенциал киберкоммерции. К интересам и покупательским паттернам потребителей в w^3 можно привязать задуманные неотображаемыми отслеживающие коды – здесь Лейлман снова напомнил Алану Бриттону, как обычно называются эти алгоритмы, и констатировал, что сам лично знает, как они задумываются и разрабатываются; конечно, он не сказал Бриттону, что уже втайне помогал разработать некоторые весьма особенные отслеживающие алгоритмы для сиреноподобной Хлои Джесват из «А. К. Ромни-Джесват & Парт.» и что два из этих кукисов, или, в привычках, «печенек» даже в данный момент глубоко засели в протоколах SMTP/POP «Команды Ду». Бриттон сказал, что по известным паттернам потребителей с помощью ДИСАН¹³ можно абстрактно создавать Фокус-группы и даже тест-рынки энного размера, куда экспертиза ЦФГ уже будет встроена – как то: кто проявляет интерес? кто покупает продукт или связанные продукты, у какого киберпродавца через какую, эту самую, ссылку? – так что не нужны не только отсев и архаичные поденные расходы, но и будет упразднена даже необязательная переменная самих потребителей, пред-

реклама [= в основном билборды])

¹³ Модель ДИСперсионного АНализа – техника гипергеометрической множественной регрессии, которой пользовались в «Команде Ду» для установления статистических соотношений между зависимыми и независимыми переменными при тестах рынков.

ставляющих, что они составляют рынок, ведь субъективное осознание потребителя того, что он тест-субъект, а не настоящий прислушивающийся к своим желаниям потребитель, всегда являлось одной из помех, которые рыночные исследования заматали под коврик, потому что не обладали методами измерения субъективного осознания по любому известному ДИСАН. Фокус-группы отправятся вслед за додо, бизонами и ар-деко. Алан Бриттон уже несколько раз проводил вариации этого разговора со Скоттом Лейлманом: так Бриттон убеждал сам себя. Лейлман представлял себя за очень большим и дорогим столом, пока Хлоя Джесват за спинкой кресла разминает его трапециевидные мышцы, а на низком стуле перед столом сидит гигантский макадамский орешек и выключивает приемлемое выходное пособие. Иногда – в тех редких случаях, когда он мастурбировал, – в фантазии Лейлмана был он – без рубашки и в боевой раскраске, – поставивший ногу на разных лежащих ниц мужчин и воющий куда-то наверх, за кадр фантазии, но, вероятно, на луну. Что, другими словами, – жестикулируя большим красным угнетающим кончиком, – та самая задротская технология, с помощью которой сейчас парни Лейлмана из отдела технической обработки гоняют анализы бумажек от ЦФГ, может заменить все бумажки. Больше никаких тестирований по малой выборке; никаких β -рисков, погрешностей, уровней доверия 1-, человеческого фактора или энтропического шума. Однажды на третьем курсе в Корнелльском университете со

Скоттом Р. Лейлманом произошел несчастный случай в лаборатории кафедры химических исследований, он надышался галона, и несколько дней ходил по кампусу с зажатой в зубах розочкой и пытался вступить в танго с каждым встречным, и настаивал, чтобы все звали его Великолепным Энрике, пока несколько членов студенческого братства не собрались и не выбили из него дурь, хотя многие по-прежнему думали, что после случая с галоном он уже не тот. Ведь теперь, в дальновидных представлениях Белта и Бриттона, рынок становится сам себе тестом. Территория = Карта. Все уже закодировано внутри. И больше никаких модераторов, которые только мутят воду, вносят свой вклад и человеческий элемент в тесты бесконечными эфемерными незамечаемыми бесконечными способами, какими люди всегда вносят себя в любое дело и мутят воду. «Команда Ду» станет на 100 % технической, абстрактной – сама себе «Пойманная фирма». Нужны только точные данные, однозначно показывающие, что люди-модераторы вносят вклад в виде помех, что переменные факторы их внешности, манеры, синтаксиса и/или даже маленьких личных тиков индивидуального характера или отношения меняют выводы Фокус-групп. Что-нибудь на бумаге, чтобы расставить точки над всеми систатскими «i», и даже, пожалуй, да, еще добавить цветной график и встряхнуть – ведь они как-никак профессиональные статистики, эти их полевые исследователи: они знают, что цифры не врут; если они увидят, что данные требуют их соб-

ственного вычитания, то уйдут по-тихому – некоторые, может быть, даже по собственному желанию во благо Команды. Плюс еще также, обратил внимание Лейлман, данные исследования пригодятся, если кто-нибудь попытается сопротивляться или выжать из «Команды Ду» выходное пособие или вклад на свой банковский счет побольше, угрожая какой-нибудь хреню типа иска по НУ. Он так и чувствовал текстуру грудины мистера Би под каблуком. Не говоря уже о том (сказал Бриттон, который иногда поднимал сигару как копье и протыкал воздух, развивая или разъясняя тему), что не всем обязательно уходить. Ребятам из исследований. Что кое-кого можно оставить. Перевести. Переквалифицировать для работы с машинами, чтобы следить за кукисами, запускать коды «Систат» и сидеть рядом, пока все компилируется. Остальные уйдут. Это жестокий бизнес: теглайн Дарвина никуда не делся. Иногда Бриттон обращался к Скотту Лейлману «малой» или «парень», но, конечно, никогда – «великолепный Энрике». У мистера Би абсолютно 0 % представлений о том, кто и что такое Скотт Р. Лейлман на самом деле внутри как индивидуальность, с весьма особой судьбой выше среднего, как кажется самому Лейлману. Он очень долго репетировал свою улыбку – как с розочкой, так и без. Бриттон говорил, что выживших определяют стрессоры негласных экспериментов, как всегда бывает в природе и точной науке. Сильнейших. То есть кто сильнее других подходит к новому паттерну. В отличие от тех, кто вносит слишком большой

вклад, понимаешь ли, и в чем именно, если in самага коса находит на камень. Это все не так просто. Бриттон протыкал в воздухе над столом светящиеся дырки. Видеть, сказал он, как модераторы реагируют на незапланированные стимулы, как отвечают на реакцию своих же Фокус-групп. Нужны только стрессоры. Внести вкладные, то есть вложенные стимулы. Встряхнуть их. Погреть по прутьям, сказал Бриттон, посмотреть, что выпадет. Это же не более чем «дай дураку веревку», как выражаются у них в индустрии. Теперь большая шишка компании откинулась на спинку с улыбкой, одновременно теплой и ожидающей. Предлагая своему Парню, для которого стал ментором, прямо здесь и сейчас вступить в мозговой штурм о возможных стрессорах. То есть вместе с самим Бриттоном продумать нужные тесты. Сейчас самое время. Скотта Лейлмана пробрал какой-то туманный латентный страх, когда большая шишка театрально загасила свою «Фуэнте». Пора ему показать себя с реальными волкодавами, попробовать на вкус настоящие творческие окопы. Прямо здесь и сейчас. Эта игра стоит при свечах. Шанс для золотого мальчика из Ду показать, во что горазд. Впечатлить начальника. Пустить пробный камень. Что угодно. Спонтанный поток сознания. Мозговой штурм. Главное, не думать и не редактировать, пусть все придумается само¹⁴. Большая

¹⁴ Бриттон отлично знал, что Лейлман пытался сдать его с потрохами «А. К. Ромни-Джесват»; на кого этот самодовольный щенок посмел разявить пасть; Алан С. Бриттон сражался и выживал, когда этот молокосос еще под стол пешком ходил.

шишка досчитала до пяти, приложила одну руку к уху, а второй дала отмашку и показала на Скотта Лейлмана, словно давала сигнал «Вы в эфире». Глаза Бриттона теперь стали двумя головками гвоздей, а уголки рта поползли вниз. У ногтя виднелись остатки чего-то темного. Лейлман смотрел на ноготь и улыбался, а разум его был пустым огромным белым экраном.

2000

Душа – не кузница¹⁵

ВПОСЛЕДСТВИИ ТЕРЕНСА ВИЛАНА ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ В ИНДОКИТАЕ НАГРАДЯТ ЗА ДОБЛЕСТЬ В БОЮ, А ЕГО ФОТОГРАФИЮ ВМЕСТЕ С СЕНСАЦИОННОЙ ХВАЛЕБНОЙ СТАТЬЕЙ О НЕМ НАПЕЧАТАЮТ В «ДИСПЕТЧЕ», ХОТЯ О ЕГО МЕСТОНАХОЖДЕНИИ ПОСЛЕ УХОДА В ОТСТАВКУ И ВОЗВРАЩЕНИЯ В АМЕРИКУ НЕ ЗНАЛ НИКТО, С КЕМ ОБЩАЛИСЬ МЫ С МИРАНДОЙ.

Это история о том, как Фрэнк Колдуэлл, Крис Дематтеи, Мэнди Блемм и я стали, по словам городской газеты, «Четверкой Случайных Заложников», и о том, как наш странный и особый союз и его травматические истоки повлияли на нашу последующую взрослую жизнь и карьеры. Статьи в «Диспетче» сходились в том, что нас было четверо и все мы считались отстающими или проблемными учениками, которые не догадались сбежать из класса граждановедения с остальными детьми, тем самым создав ситуацию «захвата заложников», вследствие чего и было оправдано убийство.

¹⁵ Отсылка к фразе Стивена Дедала из «Портрета художника в юности» Джеймса Джойса: «Приветствую тебя, жизнь! Я ухожу, чтобы в миллионный раз познать неподдельность опыта и выковать в кузнице моей души несотворенное сознание моего народа» (пер. М. Богословская-Боброва) (*прим. пер.*)

Местом травмы стал кабинет граждановедения для четвероклассников во время второго урока в Начальной школе Р. Б. Хейса здесь, в Коламбусе. Уже очень давно. В классе была своя рассадка учеников, так что всем назначали свои парты – прикрученные к полу упорядоченными рядами. Шел 1960 год – время несколько бездумного ура-патриотизма. Время, которое теперь часто называют, так сказать, более невинным. Граждановедение было обязательным предметом о конституции, американских президентах и ветвях власти. Во второй четверти мы даже делали макеты этих самых ветвей власти из папье-маше, со всяческими дорожками и тропинками между ними для иллюстрации баланса сил, встроенного отцами-основателями в федеральную систему. Я мастерил дорические колонны судебной ветви из картонных цилиндров от рулонов бумажных полотенец «Коронет» – любимого бренда нашей матери. В холодный и как будто бесконечный мартовский период наша постоянная учительница граждановедения отсутствовала, так что уроки о конституции, когда мы читали американскую конституцию, ее различные черновики и поправки, вел мистер Ричард А. Джонсон, постоянный замещающий преподаватель. Тогда еще не существовало общепринятого термина для декретного отпуска, хотя беременность миссис Роузман была очевидна по крайней мере со Дня благодарения.

Класс граждановедения в Р. Б. Хейсе представлял собой шесть рядов по пять парт в каждом. Парты и стулья надеж-

но прикрутили друг к другу и полу, у парт были поднимающиеся на петлях крышки – в ту пору, до появления ранцев и портфелей, такие парты стояли в каждой начальной школе. Внутри хранились карандаши № 2, линованная бумага, пластилин и другие принадлежности для начального образования. Там же полагалось оставлять учебник во время контрольных, подальше от глаз. Я помню, что линованная бумага той эпохи была светло-серой, мягкой и скользкой, с очень широкими линейками синим точечным пунктиром; все домашние задания на этой бумаге получались несколько размытыми.

В Коламбусе до шестого класса всем назначалась «домашняя комната». Это был особый класс, где на крючке и газетном листе оставляли пальто и сапоги соответственно, вдоль стены; крючок каждого ученика обозначался квадратиком цветного картона с подписанными фломастером именем и инициалом фамилии. Центральный запас школьных канцтоваров хранился под крышкой парты в «домашней комнате». Тогда в средней школе Фишингера через дорогу самым взрослым нам казалось то, что у старшеклассников не было «домашней комнаты» – они переходили из класса в класс и оставляли свои пособия в шкафчике, запиравшемся на замок с комбинацией, ее нужно было запомнить, а потом уничтожить бумажку с шифром, чтобы никто не влез в твой шкафчик. Все это не имеет прямого отношения к истории о том, как необычный квартет из меня, Криса Дематтеи, Фр-

энки Колдуэлла, а также странной и неблагополучной Мэнди Блемм в результате стечения обстоятельств перерос в нечто неформально известное как Четверка, – кроме, пожалуй, того факта, что изо и граждановедение были единственными предметами, куда мы уходили из своей «домашней комнаты». На обоих предметах требовались особые условия и пособия, так что им отводились свое собственное помещение и специально обученные педагоги, а ученики приходили к ним из своих «домашних комнат» в условленное время. В нашем случае – на второй урок. Шеренга, которой мы следовали из «домашней комнаты» на уроки изо и граждановедения миссис Барри и миссис Роузман соответственно, шла в молчаливом, алфавитном и строго контролируемом порядке. Самый конец 50-х и начало 60-х не были временем халатной дисциплины или безалаберности, и тем более травматичным стало произошедшее на граждановедении в тот день, из-за чего несколько детей из класса (одним из них стал Теренс Велан – пожалуй, несколько женоподобный для той эпохи, к тому же иногда он носил сандалии и кожаные шорты, зато был очень хорош в футболе, его отец был инженером-гидравликом из Западной Германии, получившим американское гражданство, а сам он умел задира́ть веки так, что раскрывались слизистые мембраны их изнанки, и расхаживал в подобном виде по детской площадке, что внушало к нему уважение) навсегда перевелись из начальной школы Хейса в другие школы, поскольку даже возвращение в это

здание вызывало травматичные, персеверативные воспоминания и эмоции.

Только много позже я пойму, что инцидент у доски на граждановедении, скорее всего, будет самым драматичным и захватывающим событием, которое мне доведется пережить. Как и в случае со своим отцом, я безмерно благодарен за то, что не знал об этом тогда.

ТЕПЕРЬ МОЕ МЕСТО БЫЛО – К ЗАМЕТНОЙ
ДОСАДЕ МИССИС РОУЗМАН, БУДЬ ОНА НА
РАБОТЕ, – ВОЗЛЕ ОКНА.

Класс граждановедения миссис Роузман, где на всех четырех стенах под самым потолком на равном расстоянии друг от друга виднелись портреты всех 34 американских президентов, висели опускающиеся рельефные карты тринадцати первых колоний, штатов Союза и Конфедерации 1861 года и современных Соединенных Штатов, включая Гавайские острова, а под ними стояли стальные шкафчики, наполненные всевозможными дополнительными материалами, главным образом состоял из большого металлического учительского стола, доски перед классом и всего 30 прикрученных парт и стульев, где нас, четвертый класс под руководством мисс Властос, рассаживали в алфавитном порядке шестью рядами по пять учеников в каждом. Мистер Джонсон был замещающим, так что мы развлекались тем, что перевернули обычную схему рассадки миссис Роузман по назначенным рядам «с востока на запад» в зеркальном порядке, посадив

Розмари Ахерн и Эмили-Энн Барр на первые парты того ряда, что был ближе всех к крючкам для одежды на западной стене (всегда пустых, так как из кабинета граждановедения миссис Роузман «домашнюю комнату» не делали) и к двери кабинета, а последнюю близняшку Сверинген – на первую парту восточного ряда, по соседству с первым из двух больших окон на восточной стене, где можно было опускать тяжелые шторы для демонстрации слайдов и иногда исторического фильма. Я оказался на предпоследней парте в восточном ряду – миссис Роузман никогда бы не допустила такую логистическую ошибку, поскольку мои успехи как в «усидчивости», так и в сопутствующей категории – «следовании указаниям» – считались неудовлетворительными, и каждый штатный учитель в первых классах Р. Б. Хейса знал, что я ученик, чье назначенное место должно находиться как можно дальше от окон и других источников возможного отвращения. Все окна школьного здания закрывала сетчатая проволока, встроенная прямо в стекло, так окно было сложнее разбить шальным мячом или камнем вандала. Также из-за нашего эрзац-порядка учеником сразу слева от меня в соседнем ряду оказался Санджай Рабиндранат, который всегда учился с маниакальным увлечением, а также писал образцовым почерком и, наверное, в Р. Б. Хейсе был самым лучшим соседом на контрольных. Проволочная сетка, разделявшая окно на 84 маленьких квадрата с дополнительным рядом из 12 тонких прямоугольников там, где ее первая вертикальная

линия почти соприкасалась с правой границей окна, отчасти предназначалась для того, чтобы окна меньше отвлекали, а еще она минимизировала вероятность того, что ученик отвлечется или засмотрится на вид снаружи – который тогда, в марте, состоял в основном из серого неба, каркасов голых деревьев, рваных краев футбольных полей и неогороженного поля для бейсбола, где каждый год с 21 мая по 4 августа проводились игры Младшей лиги. За ними в сильном перспективном сокращении, – будучи скрытым за Тафт-авеню и занимая всего три квадратика в нижнем левом углу окна, – находилось огороженное стандартное поле средней школы Фишингера, где большие парни играли в бейсбол Американского легиона, чтобы поддерживать форму для сезона в старшей школе. Каждую весну несколько окон нашей школы были вандалы: пригодные для этого камни можно было найти на футбольных полях, из которых не меньше половины попадало в отформатированное поле зрения с моего места без заметного со стороны движения головы. Также, если чуть изменить позу, можно было увидеть и почти все пустое и безлюдное бейсбольное поле, где инфилд в прогалинах без снега стал грязной жижей. Я из тех, кто обладает хорошим периферийным зрением, и большую часть трех недель, посвященных курсу мистера Джонсона по американской конституции, я посещал граждановедение по большей части телесно, тогда как мое настоящее внимание обращал на поля и улицу снаружи, которые форматирование оконной сетки

делило на дискретные квадраты, весьма напоминавшие ряды панелей в газетных стрипах, кинораскадровки, комиксы «Альфред Хичкок Мистери» и тому подобное. Очевидно, это интенсивное увлечение губительно сказалось на усидчивости во время граждановедения на втором уроке, поскольку мое внимание не просто блуждало без дела, но активно конструировало целые линейные и дискретно организованные сюжетные фантазии, многие из которых разворачивались в мельчайших подробностях. То есть все примечательное на улице – например, яркий мусор, летящий на ветру из одного проволочного квадратика в другой, или городской автобус, величественно плывущий справа налево по трем нижним горизонтальным столбцам, – становилось стимулом для воображаемых раскадровок кино или мультфильмов, где сюжет на панелях продолжался и углублялся в каждом из оставшихся квадратиков в оконной проволочной сетке: обыденным на вид автобусом КОТ в действительности управлял тогдашний заклятый враг Бэтмена, Красный Коммандо, который вез в салоне заложников, представленных в последовательных квадратах, в том числе мисс Властос, несколько слепых детей из Государственной школы для слепых и глухих, моего перепуганного старшего брата и его учительницу по фортепиано миссис Дудну, пока в автобус на ходу с помощью целой серии акробатических маневров с веревкой и крюком – каждый занимал и оживлял один проволочный квадратик в окне, а потом застыл в общей картине, пока мое внимание

перемещалось к следующей панели, и так далее, — не проникали Бэтмен и примечательно знакомый на вид Робин (в своей маленькой декоративной маске). Эти воображаемые конструкции, часто занимавшие все окно, требовали тяжелого труда и концентрации: по правде, они слабо напоминали то, что миссис Клеймор, миссис Тейлор, мисс Властос и мои родители называли «витать в облаках». В момент появления травмы мне все еще было девять лет; мой десятый день рождения наступит 8 апреля. Также период с семи до почти десяти лет оказался тревожным и нервным (особенно для моих родителей): я попросту не мог читать в строгом смысле этого слова. Я имею в виду, что мог просмотреть страницу из «От моря до моря: истории Америки в словах и картинках» (в то время обязательный учебник по граждановедению для всех начальных школ штата) и привести некий объем специфической количественной информации, например, точное число слов на странице, точное число слов в каждой строчке и часто — слово и даже букву с наибольшей и наименьшей частотой употребления на данной странице, причем зачастую я сохранял эту информацию в течение долгого времени после того, как прочитал страницу, и все же в большинстве случаев не мог ассимилировать или удовлетворительно передать то, что должны были означать слова и их различные комбинации (по крайней мере, так этот период запомнился мне), в результате чего я получал оценки заметно ниже среднего, когда проверяли то, как я усваивал домашние задания и по-

нимал прочитанное. К всеобщему облегчению, где-то к десятому дню рождения проблема с чтением решилась сама собой, почти так же таинственно, как когда-то появилась.

ПО СЛОВАМ ПРЕССЫ, У МИСТЕРА ДЖОНСОНА, РОДОМ ИЗ РАСПОЛОЖЕННОЙ НЕПОДАЛЕКУ ДЕРЕВНИ УРБАНКРЕСТ, ВПОСЛЕДСТВИИ НЕ ОБНАРУЖИЛИ ИСТОРИИ ДУШЕВНЫХ РАССТРОЙСТВ ИЛИ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ.

Последний раз снег шел в начале марта. Другими словами, восточные окна кабинета выходили преимущественно на грязь и слякоть. Видневшееся небо казалось бесцветным и сидело как-то низко, словно вымокло или устало. Инфилд на поле целиком превратился в грязь, с одним только маленьким дефисом снега на месте питчера. Обычно в течение второго урока единственное движение в окне принадлежало мусору или какому-нибудь транспорту на Тафт, за исключением появления собак в день травмы. Раньше это происходило только один раз, когда уроки по конституции только начались, но до сих пор не повторялось. В верхний правый квадратик окна из рощи к северо-востоку от школы вошли две собаки и проследовали по диагонали вниз к северной области ворот на футбольном поле. Потом начали двигаться постепенно сужающимися кругами, явно готовясь к спариванию. Раньше подобный сценарий уже разворачивался один раз, но затем собаки не возвращались несколь-

ко недель. Их действия по виду согласовывались с алгоритмом спаривания. Большой пес взобрался на спину второй собаки сзади, обвил передними лапами тело пегой собаки и принялся двигать тазом, совершая маленькие шажки на задних лапах, пока вторая собака пыталась улизнуть. Происходящее занимало не больше одного поля проволочной сетки на окне. Визуально это напоминало одну большую и анатомически сложную собаку в припадке конвульсий. Не самое приятное зрелище, но яркое и завораживающее. Одно животное было крупнее, черное с коричневыми элементами на груди – возможно, помесь ротвейлера, хотя ей и недоставало широкой головы чистокровного ротвейлера. Порода маленькой собаки не опознавалась. Если верить моему старшему брату, в течение краткого периода, когда я был еще слишком маленьким, чтобы помнить, у нас в семье была собака, и она погрызла основание пианино и ножки великолепного старинного стола XVI века времен королевы Елизаветы, который наша мать отыскала на барахолке и который в итоге оценили в сумму больше миллиона долларов, вследствие чего семейная собака исчезла, однажды брат вернулся домой из детского сада и обнаружил, что дома нет ни собаки, ни стола, а также он добавил, что родители очень расстроились из-за инцидента и что, если я когда-нибудь приведу домой собаку или попрошу о ней маму, отчего та расстроится, он сунет мои пальцы в щель дверцы в прихожей и надавит на дверцу всем весом, пока мои пальцы не изуродует так, что

их придется ампутировать, и я буду безнадежен в игре на пианино еще больше обычного. В тот момент мы с братом интенсивно обучались игре на фортепиано, хотя талант демонстрировал только он и дальше в одиночку занимался с миссис Дудной дважды в неделю, пока в начале подросткового возраста у него так драматически не возникли собственные трудности. Сросшиеся собаки находились слишком далеко, чтобы рассмотреть, есть ли у них ошейники или жетоны, но достаточно близко, чтобы различить выражение на морде властного пса наверху. Оно было пустым и в то же время неистовым – тот же тип выражения бывает и на человеческом лице, когда человек вынужден делать что-то машинально, но сам не понимает, зачем ему это надо. Вполне возможно, это было не спаривание: так одна собака демонстрировала власть над другой – распространенное поведение, как я узнал позже. Казалось, это длилось довольно долгое время, за которое собака-жертва проделала множество неровных шажков, протаскивая обоих животных через четыре панели четвертого ряда внизу, усложняя активность в раскадровке по бокам. Ошейник и жетоны – верный признак того, что у собаки есть дом и хозяин и она не бродячая – ведь те, по словам гостевого лектора из департамента здравоохранения на собрании в «домашней комнате», могут быть опасны. Особенно это относится к жетону о прививке против бешенства, по очевидным причинам обязательному по законодательству округа Франклин. Несчастное, но стоическое выражение на

морде пегой собаки было трудно охарактеризовать. Возможно, оно было не таким отчетливым или заслонялось защитной сеткой окна. Однажды наша мать назвала выражение тети Тины, у которой имелись серьезные физические проблемы, следующим образом: многострадальное.

МЭРИ УНТЕРБРЮННЕР, ТАКЖЕ ИЗВЕСТНАЯ В КОМПАНИИ ЭМКЕ И ЛЬЮЭЛЛИНА НА ДЕТСКОЙ ПЛОЩАДКЕ КАК БОЛЬШАЯ БЕРТА, БЫЛА ЕДИНСТВЕННОЙ ДЕВОЧКОЙ, КОТОРАЯ ИНОГДА ИГРАЛА С МЭНДИ БЛЕММ ПОСЛЕ УРОКОВ. МОЙ БРАТ, УЧИВШИЙСЯ В ОДНОМ КЛАССЕ СО СТАРШЕЙ СЕСТРОЙ МЭНДИ БЛЕММ, БРЭНДИ, ГОВОРИЛ, ЧТО БЛЕММЫ – ИЗВЕСТНАЯ НЕБЛАГОПОЛУЧНАЯ СЕМЬЯ, ГДЕ ОТЕЦ ЦЕЛЫМИ ДНЯМИ СИДИТ ДОМА В ОДНОЙ МАЙКЕ, ДВОР ПОХОЖ НА ПОМОЙКУ, ОВЧАРКА ПОПЫТАЕТСЯ ТЕБЯ СОЖРАТЬ, ДАЖЕ ЕСЛИ ПРОСТО ПОДОЙДЕШЬ К ЗАБОРУ БЛЕММОВ, И ЧТО ОДНАЖДЫ, КОГДА БРЭНДИ НЕ УБРАЛА КАКАШКИ ЗА СОБАКОЙ – А ЭТО, ВИДИМО, СЧИТАЛОСЬ ЕЕ ДОМАШНЕЙ ОБЯЗАННОСТЬЮ, – ОТЕЦ, СУДЯ ПО СЛУХАМ, ЗЛОБНО ВЫЛЕТЕЛ С НЕЙ ВО ДВОР И ТКНУЛ ЛИЦОМ В КАКАШКИ; БРАТ ГОВОРИЛ, ЧТО ЭТО НЕЗАВИСИМО ДРУГ ОТ ДРУГА ВИДЕЛИ ДВА СЕМИКЛАССНИКА И ПОЭТОМУ БРЭНДИ БЛЕММ (ТОЖЕ НЕСКОЛЬКО ОТСТАЛАЯ) БЫЛА ИЗВЕСТНА В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ ФИШИНГЕРА КАК ГОВНОДЕВКА – ЯВНО

НЕ САМОЕ ЛУЧШЕЕ ПРОЗВИЩЕ ДЛЯ ДЕВОЧКИ
ЕЕ РАННЕГО ВОЗРАСТА, ДАЖЕ НЕСМОТРЯ НА
РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ В БЕЙСБОЛЕ.

Лишь раз я имел дело с мистером Джонсоном: во втором классе он две недели замещал миссис Клеймор, нашу классную руководительницу, когда та попала в ДТП и вернулась с большим белым ортезом из металла и брезента на шее, который никому не разрешила подписывать, она до конца школьного года не могла поворачивать голову, после чего ушла на пенсию и уехала во Флориду жить на собственные средства. Насколько я его помню, мистер Джонсон был мужчиной среднего возраста со стандартной прической ежиком, пиджаком и галстуком, а также очками в черной оправе, как у ученого, такие в то время носили все, кто ходил в очках. Судя по всему, он подменял преподавателей и в нескольких других классах Р. Б. Хейса по разным предметам. Вне школы его видели лишь раз: когда Дениз Кон с матерью встретили мистера Джонсона в А&Р, и Дениз говорила, что его тележка была набита замороженными продуктами, из чего ее мать сделала вывод, что он не женат. Я не помню, замечал на пальце мистера Джонсона обручальное кольцо или нет, но в статьях «Диспетча» впоследствии не упоминалось о том, что, после того как власти штурмовали наш класс, у покойного осталась жена. Также не помню его лица в другом виде, кроме как на фотографии в «Диспетче», которую, судя по всему, взяли из его собственного студенческого фотоальбома, сде-

ланного за несколько лет до произошедшего. За исключением каких-либо очевидных проблем или характеристик, в том возрасте было непросто обращать внимание на лица взрослых – сама их взрослость затмевала остальные характеристики. Если мне не изменяет память, у лица мистера Джонсона была только одна запоминающаяся черта: оно казалось слегка приподнятым или повернутым кверху. Это не бросалось в глаза, вопрос всего одного-двух градусов – представьте, что держите маску или портрет лицом к себе, а затем наклоняете на градус-другой кверху от нормального центра. Словно, другими словами, его глазницы были направлены слегка кверху. Это в совокупности то ли с плохой осанкой, то ли с какой-то проблемой в шее, как у миссис Клеймор, придавало мистеру Джонсону такой вид, словно он морщится или даже отшатывается из-за всего, что говорит. Ничего особо неприятного или очевидного, но и Колдуэлл, и Тодд Льюэллин тоже замечали это отшатывающееся качество и ни раз говорили о нем. Льюэллин сказал, что учитель на замену как будто боится собственной тени, словно Майлс О'Киф или Фестус из «Дымка из ствола» (которого мы все ненавидели – никто не хотел играть за Фестуса в играх по «Дымку из ствола»). В свой первый день, заменяя миссис Роузман, он представился нам как мистер Джонсон и написал имя на доске идеальным палмеровским курсивом, как все учителя той эпохи; но из-за того, что его имя в течение нескольких недель после инцидента так часто всплывало в «Диспетче», теперь в моей

памяти он остается Ричардом Алленом Джонсоном-мл., 31, родом из близлежащего Урбанкреста – маленького спального населенного пункта за границами Коламбуса.

В детстве, если верить полетам фантазии моего брата, старинный стол – который стоял у нас до того, как я подросток настолько, чтобы осознавать все вокруг, – был из капа каштана и с инкрустацией на столешнице в виде лица английской королевы Елизаветы I (1533–1603) в правый профиль, сделанной из огромного количества бриллиантов, сапфиров и горного хрусталя, и что разочарование из-за его утраты послужило одной из причин, почему наш отец так часто казался столь подавленным после возвращения домой с работы.

На предпоследней парте в самом восточном ряду какой-то предыдущий четвероклассник вырезал и раскрасил чернилами палочного человечка в ковбойской шляпе с глубоко выдолбленным несоразмерным шестизарядником – очевидно, это был результат кропотливого труда в течение всего прошлого академического года. Прямо передо мной находилась толстая шея, верхние позвонки и идеально ровная линия волос Мэри Унтербрюннер, чьи бледные и беспорядочные веснушки на шее я изучал почти два года, поскольку Мэри Унтербрюннер (которая впоследствии станет административной секретаршей в большом женском исправительном учреждении Пармы) училась со мной в третьем классе с миссис Тейлор – которая читала нам истории о привидениях, умела играть на укулеле и была просто замечательным

классным руководителем, если не перегибать палку. Однажды миссис Тейлор ударила Колдуэлла по руке линейкой, которую носила в большом переднем кармане своего халата, да так сильно, что рука распухла почти как мультяшная, и миссис Колдуэлл (которая знала дзюдо и с которой тоже не больно захочется перегибать палку, если верить Колдуэллу) приходила в школу жаловаться директору. Ни учителя, ни администрация той эпохи как будто не замечали, что умственный труд для так называемого витания в облаках часто требовал больше усилий и концентрации, чем просто слушать учителя в классе. Дело не в лени. Просто это занятие не предписано администрацией. Чтобы поддержать визуальный интерес к нарративу того дня, мне бы очень хотелось сказать, будто каждая панель истории, созданной простым видом из окна то ли на спаривание, то ли на борьбу за власть между двумя собаками, оживилась, да так, что к концу урока квадратики провололочной сетки были целиком заполнены сюжетными панелями, как красочные витражи в Риверсайдской методистской церкви, где мы с братом и матерью посещали каждую воскресную службу – в сопровождении отца, когда он был в состоянии встать пораньше. Ему часто приходилось работать в офисе по шесть дней в неделю и потому нравилось говорить, что воскресенье – день, когда он может склеить обратно то, что осталось от нервов. Но, увы, это устроено не так. Потребовалось бы настоящее чудо воображения, чтобы удержать в памяти иллюстрированную

картину каждого квадратика в продолжение всего оконного сюжета, почти как в играх во время долгих поездок, когда с кем-нибудь притворяешься, что планируешь пикник, и он называет предмет, который возьмет с собой, а ты повторяешь этот предмет и добавляешь другой, а он повторяет два упомянутых прежде и добавляет третий, а ты должен повторить и затем добавить четвертый, который обязан запомнить и повторить он, и так далее, пока каждому придется удерживать в памяти серию уже из 30 и более предметов, продолжая пополнять ее по очереди. В этой игре я никогда не демонстрировал успехов, хотя мой брат иногда отличался такими достижениями памяти, что родители поражались и, может, даже немного пугались, учитывая то, что с ним в итоге стало (отец часто называл его «мозгами нашей команды»). Каждый квадратик в оконной сетке заполнялся и рассказывал свою часть истории о бедной и несчастной хозяйке пегой собачки, только пока этому конкретному квадратику уделялось внимание; стоило панели реализоваться и заполниться, как она возвращалась к своему естественному состоянию прозрачности, после чего история переходила на следующий квадратик сетки, где уже четвероклассница в лимонно-желтом сарафане, с розовой ленточкой в волосах и в блестящих черных кожаных туфельках с полированными пряжками, чей пегий и неискушенный щенок Каффи сделал подкоп под захудалым задним забором и сбежал на берег реки Сиото, сидела в кабинете изо и на ощупь лепила из пла-

стилину статуэтку Каффи, своей собачки, в четвертом классе Государственной школы для слепых и глухих на Морзе-рд. Она была слепая, а звали ее Руфь, хотя мать и отец называли ее Руфи, а две старшие сестры, игравшие на фаготе, – Зубастой Руфи, потому что пытались ее убедить – это мы видим на трех последовательных панелях, где стоят, подбоченясь, в типичной позе злых людей из комиксов сестры с неприятными выражениями лиц, – что по причине своего ужасного прикуса она гадкая дурнушка и что это замечают все вокруг, кроме нее самой, и почти целый горизонтальный ряд панелей посвящен тому, как Руфь в черных очках прячет лицо в ладошках и плачет над комментариями сестер и дразнилками «Зубастая Руфи, твой щеночек убегуфи», пока бедный, но добрый отец девочки, который работает садовником у богача в белом ортезе из металла и брезента, владеющего роскошным особняком в Блэклик-Эстейтс за Эмберли, с коваными воротами и загибающейся подъездной дорожкой в миллю длиной, медленно объезжает на старой и помятой семейной машине стылые улицы их захудалого района, выкрикивает кличку Каффи из открытого окна и звенит ошейником и жетонами пегой собачки. В серии панелей в самом верхнем ряду сеточных квадратов – часто приберегавшейся для флэшбеков и предыстории, чтобы заполнить пробелы в разворачивающемся действии окна, – объясняется, что ошейник и прививочные жетоны оторвались, когда Каффи выползал из-под забора двора семьи Симмонсов, с радостью завидев

двух бродячих собак – одну черно-коричневую, а вторую по большей части белую в черных пятнах, – которые подскочили к дешевой рабице и пригласили Каффи присоединиться к ним в приключениях вольных собак, причем темная – у нее на панели сходящиеся под углом брови и коварные тонкие усики – дает честное собачье, что они зайдут совсем недалеко и потом обязательно покажут доверчивому Каффи дорогу домой. Большая часть раскадровки того конкретного дня – она расходится, как стрелки или радиальные лучи, что часто рисуют вокруг солнышка, – излагает параллельные сюжеты о маленькой бледной слепой Руфи Симмонс (у нее вовсе не кривые зубы, но по понятным причинам из нее выходит не самый лучший скульптор) на изо для слепых, отчаянно мечтающей узнать, добился ли отец успеха в поисках щенка Каффи, верного друга Руфи Симмонс, который никогда ничего не грызет и не создает проблем для домохозяйства, и часто преданно сидит под шатающимся столиком, который отец нашел в мусоре своего богатого промышленника, принес домой и прибил на ящики катушки вместо ручек ящиков, и Каффи часто сидит под ним, положив нос на кожаные туфельки Руфи Симмонс, пока она читает учебник, набранный шрифтом Брайля, за этим столом в темной спальне (слепым все равно, включен свет или нет), а сестры практикуются с фаготом или валяются на плюшевом ковре в своей спальне, бессмысленно болтая о мальчишках или «Эверли

Бразерс» по «телефону принцессы»¹⁶, часто занимая его на многие часы, а отец подхалтуривает на ночной работе, где в одиночку тягает большие ящики в кузов грузовиков, а мать – представитель «Эйвон», которая еще не продала ни одного продукта «Эйвон», – каждый вечер лежит ничком в прострации на диване в гостиной, а диван тот без ножки, так что его пришлось шатко подпереть телефонным справочником, пока отец не найдет нужное дерево на замену, – мистер Симмонс из тех бедных, но честных отцов, что зарабатывают физическим трудом, а не сидят целыми днями, уткнувшись носом в факты и цифры. Предыстория большой черно-коричневой собаки в верхнем ряду окна несколько туманная и состоит всего из нескольких спешно набросанных панелей о низком цементном здании, где в клетках лают собаки, и о подворотне в злачном квартале, где мужчина в заляпанном фартуке над перевернутыми мусорными баками грозит кулаком кому-то за кадром. Затем в главном ряду мы видим, как отец семейства получает срочный вызов от богатого владельца особняка, который велит возвращаться и раскошегаривать огромный дорогой бензиновый промышленный снегоочиститель для длинной подъездной дорожки к особняку с полосками из цветных ламп вдоль бордюра, как на взлетной полосе, потому что личный метеоролог владельца сказал, что скоро опять повалит снег. Затем мы видим, как мать

¹⁶ Вид компактного телефона, где трубка лежит прямо над наборным диском (прим. пер.)

Руфи Симмонс – мы уже наблюдали в очередной предыстории, расположенной в верхних рядах, за тем, как она принимала в течение дня несколько таблеток из маленького коричневого флакона с рецептурным лекарством, вынимая его из сумочки, – сменяет отца и бесцельно катается на помятой семейной машине по улицам злачного района, очень медленно и слегка вихляя, когда начинает падать густая и непроглядная стена снега, загораются фонари, и свет на приборной панели становится пепельным и унылым, как часто становится унылым свет под вечер в Коламбусе зимой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.